

Валентин Проталин

**«И исповедь,
и завещанье»**

стихи разных лет

Москва
Издательство «БПП»
2010

I

«ИЗ ОСЕННЕЙ ТЕТРАДИ»

ТРЕВОГА

И запоздалые,
и ранние,
одновременно —
крик и эхо,
мы ощутили как призвание
тревогу середины века.

Отцы нас окружали правилом:
расти,
придут еще заботы,
как будто что-то им не нравилось,
и берегли нас от чего-то.

И мы росли за их спиной
(так держат речку берега),
но душу для чего сыновью
молчанием оберегать?

Они в обычные заботы
так уходили,
что во сне
все говорили о работе,
все вспоминали о войне.

Придет беда — не очень никли:
мол, мы-то что,
о нас ли речь.
Мы приработались,
привыкли, —
нам их бы надо поберечь.

И вот мы выросли.
Немного
напутствий память собрала,
и безотчетная тревога
нам первым компасом была.

Во всем,
напрягшись до предела,
она невидимой стоит —
и в том,
что удалось нам сделать,
и в том,
что сделать предстоит.

* * *

Приходит ощущение пути,
и, голову поднять порою стоит, —
увидишь, где ты,
как пришлось идти
и что совсем осталось за чертою.
Когда в вагоне
от дорожных снов
опомнишься —
перед тобою прямо:
приплюснутые головы домов,
и с буквою потухшею реклама,
и дерева знакомый поворот...

Оторванный от хода размышлений,
готовишься —
теперь и твой черед
сойти на остановке...

Власть видений
тебя покинет сразу же,
когда
жизнь походя разрушит круг укромный,
бежавшие неслышно поезда
покатятся и с шумом,
и неровно.

И обступают люди.
Сколько их,
мелькающих,
и ты смешался с ними.
Ты вспоминаешь лица тех, других,
что издалёка видятся иными.

Все пройденное собралось во мне.
Сегодняшнее—все передо мною.
Забудешься,
потом в людской волне
тебя качнет,
но видишь все земное
с поправкой на моменты забытья.

Когда же снова выходить пора нам,
за сновиденья держимся упрямо.
Забывчивость—особая статья.

И жизнь вокруг,
а также
жизнь свою
как понимаю,
так и узнаю.

ВЕЧЕР

Полминуты опускалось солнце
в красный Каспий,
чтоб остыть на дне.
Скоро звезды,
что мигают сонно,
море раскачает на волне.

А пока все занято покоем.
На волне прощальный луч блеснит.
Как рыбак,
что лоб утер рукою,
море хочет дух перевести.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Теперь,
когда осталась ночь одна,
мне кажется, что я уже в дороге,
уже в пути.

Пройдет мгновенье сна,
и отплыву.

Охвачен чувством строгим,
гляжу вокруг.

Потом

в краях иных

я вспомню Каспий

 в нефтяных дорожках,
где светлый остров,
как на курьих ножках,
стоит у моря на ногах стальных.

Прощаюсь с ним,

 а мысленно — в пути,
и пыль его — сродни пыли дорожной.

Все бы увез,

 что взгляд мой смог найти,
но, как и прежде, это невозможно.

Так человек устроен,

что среди

людей и мест себя он оставляет

и, не надеясь отыскать следы,

уйдя, недолгий кров благословляет.

А место, что осталось без него,

живет в ином как будто измеренье,
быть может, и с похожим настроеньем,
но и не повторяя ничего.
По-своему все движется вдали...

Но, остров нефти,
наши судьбы схожи.
Когда-нибудь свое отслужишь тоже,
все реже принимая корабли.
И море, что смирил однажды ты,
тебя в пучину медленно поглотит...
В бескрылом пролетая самолете,
быть может, разглядит твои черты
потомок дальний
по остаткам труб
и скажет,
поглядев в окно не долго:
здесь прадеды мужской вершили труд
среди бурь и гроз
во исполненье долга.
Что тоже было мало им земли,
но моря, к сожаленью, не жалели.
Шли напролом,
все сразу взять хотели.
Да и себя не очень берегли...

Что ж,
правду скажет,
но не для меня.
Сейчас живу я в этом кратком часе
прощания.
Всего лишь ночь в запасе
на острове,
что утонул в огнях.

НОЧНЫЕ ЗВУКИ

Луны ущербный полукруг
и горстка звезд у края тучи.
В непродолжительном беззвучье
живет отдельно
каждый звук.

И далеко, и близко слышно.
То говор,
то девичий смех.
Там поздний пешеход — не лишний.
Ночь майская — одна на всех.

Звучи же, ночь, теплей и резче.
Страх облегчи,
чтоб сладить с ним
во тьме,
где контуром своим
пугают комнатные вещи.

Когда молчишь ты,
рвется нить
с живым,
пространства нелюдимы,
и я дыханием любимой
себя не в силах защитить.

И вот опять все страхи мира,
далекие при свете дня,
слетаются в мою квартиру
и кружатся вокруг меня...

Я все не сплю, и ночь при деле:
повесив фонарем луну,
меж улицами звуки делит,
чтоб не обидеть ни одну.

Но доброта ее условна:
как будто неродная мать,
распределяет звуки,
словно
боится лишний передать.

ЗАПОЗДАЛЫЙ АПРЕЛЬ

Запоздалый апрель
появился в подмокших сугробах,
с ночи снегом пушистым
их грязные плечи одел:
извините меня,
что в пути задержался немного
и в порядок с дороги
себя привести не успел.

Что ж, здорово, приятель!
Пустое, простительно это —
опоздал, задержался...
Но ты ведь не мог не прийти.
По уставу природы
за веснами следует лето.
Лучше ты меня, если
не так тебя встретил, прости.

А опаздывать... Что ж —
после срока покрытие долга...
Лишь дымящийся мир
от нахлынувших дум присмирел,
дети долгой войны,
к тишине привыкали мы долго,
и с тех пор опозданье
мне выпало словно удел.

Дети долгой войны...
Сколько черт,
сколько слабостей сходных.
Как нередко рвалась

рассуждений проклятая нить,
потому что в период
взрослели такой переходный,
о котором история
будет еще говорить.

Запоздалый апрель
разгорается в небе высоком.
Хорошо бы и мне
по призыву эпохи самой,
обнажив свою душу,
пролиться весенним потоком,
как апрель разгуляться,
задержанный поздней зимой.

Все печали изведав,
почувствовать землю любимой,
все, что выносил, все,
что в душе накопилось, отдать...
Только в этот бы раз —
по случайности непоправимой
или просто привычке
сложившейся—
не опоздать.

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Все долгожданное — неожиданно,
все неожиданно, что ждешь...

В углу экран,
и свет экрана
на зимний свет луны похож.
Я думаю о чем-то смутном,
чтоб время протянуть...

Но вот
в затихшей комнате плывет
начавшаяся вдруг минута
молчания.

И бьется вечный огонь.
Косматым языком
безмолвно произносит речь он,
кричит без слов.

А в горле— ком. ..
Вновь открываются воронки,
стандартный текст из похоронки,
из Ленинграда поезда...
И важно мне в тебя взглядеться,
несостоявшееся детство,
как выпавшее из гнезда.

Я встал.
Я подошел к окну.
Смотрю, смотрю на мир весенний,
как сквозь минувшую войну,
сквозь годы бед и потрясений,
сквозь пережитое,
свое...

На дне дворового колодца
чему-то девушка смеется,

соседка вешает белье.
Вверху спортивный самолет
почти над самой крышей дома,
рукою мастера ведомый,
то падает,
то ввысь идет.
А в стороны от горки взлета,
во все концы,
где видит глаз
и где не видит,
разлеглась
земля — защитница пехоты,
земля—ночлег последний наш,
и житница,
и поле брани...

Оркестр на маленьком экране
доигрывал военный марш.

6-е НОЯБРЯ

Негромки улицы,
и скоро
Тверской неразличим впотьмах.
Совсем притих великий город
на всех своих семи холмах.
Я долго слушаю.
Какая
значительная тишина!
Москва вся дома.
Истекают
последние часы.
Она
готова к празднику.
В ночи
Москва не выглядит угрюмой.
Ей просто есть о чем подумать,
что вспомнить.
Потому молчит.

И вот в прохладной тишине,
что в комнату сквозь окна входит,
открыть
или нечто вроде
нечаянно пришло ко мне:
в такие дни, ускорив бег
грядущих лет,
какой-то гранью
в нас возникает человек,
что в будущем еще нагрянет...

Москва притихла,
и рассветом
мерцает зарево над ней,
как будто раздувает ветер
сиянье праздничных огней.

* * *

Встречаю перемены осторожно.
Но случай может все перевернуть:
то ленишься собраться в близкий путь,
то с места вдруг —
и весел дух дорожный.

На встречном ветре дышится с трудом.
И чем-то все вокруг давно знакомо.
Чем дальше удаляешься от дома,
обширнее становится твой дом.

И как тебя волнует быстрый бег.
Ты ищешь чудо в каждом человеке,
и, словно возвращаются к тебе,
бегут назад дома, мосты и реки.

Лети вперед!
Люби свою Россию!
Ты сын ее.
Как это много — сын!
И ветры развеселые, лихие
метут лесами лежбища равнин.

В дороге остановка — тоже дар.
И ты — в тепло,
где посошок нелишний
нальешь себе настойки горькой вишни.
И хорошо бы — звонкий самовар.

А выйдешь в холод —
все белым-бело.
Кусты, дома, деревья замело.
Ни пятнышка на месяце белесом.
Обходчиком скрипит сухой мороз.
Поблескивает снег далеким плесом.
И быются звезды в неводах берез.

СИНИЙ ПЛАТОЧЕК

Командировка.
Ресторан.
Обед в моей тарелке стынет.
Джаз песню про платочек синий
завел, напомнив про баян.

И женщина из-за стола
глаза смятенно поднимает,
как будто бы не понимает,
откуда музыка пришла.

По тусклой зелени колонн
скользит отсутствующим взглядом,
не понимая, что ей надо.
Зал изменился, полон он

мелодией ее весны,
давно немодной и забытой,
что столько судеб и событий
сопровождала в дни войны.

Играют вальс полузабытый,
и чувства все напряжены...
На мужа смотрит—
неубитый, живой,
вернувшийся с войны.

Он ложкою мешает суп.
И снова все вокруг понятно.
Платком по уголочкам губ
она проводит аккуратно...

ЧАБАН

Там, где кочует вечность
в волнах пахучих трав,
он острова овечьи
водит, ярлыгу взяв.

Полуприрученный волк —
сторож его и друг,
и далеко вокруг
больше в степи никого.

Слышен полыни шепот,
и ковыли звенят—
чудится дальний топот
сказочного коня.

Чудится — грозный воин
взглядом из-под руки
землю вокруг обводит.
Может, пылят полки?

Ветер тюльпаны косит,
с разных летя сторон,
будто бы гладит косы
спящей колдуньи он.
Видится в серой пыли
дальних кочевий дым...
Степи былинной былью
стелятся перед ним.

МАЛЕНЬКИЙ СКРИПАЧ

Любила степь
песню
и каждой весной
поила ее ароматом
душистой, как утро,
полыни степной,
румянила краской заката.

Дарила свободу овечьих путей
и свежесть непролитой тучи.

Все думала степь, что же станется с ней?
Какая ей выпадет участь?

Потом все ждала,
что придет такой год,
калмычка родит батыра.
Он песню в могучие руки возьмет
и в дар понесет миру...

...Я видел однажды:
в толпе рабочей
по улице утренней,
озабоченной,
шел очень маленький калмычонок
со скрипкой в футляре черном.

Он важно, как взрослый,
держал инструмент.
Как взрослый, а не иначе.
Казалось, ребенок понять сумел,
как много он, маленький, значит.

* * *

В растерянности чуть ли не языческой
сначала и нехватишься.

Но вот
однажды ты почувствуешь физически,
как резко ускорение растёт.

Ты думаешь:
бунтуя и горя,
как вырваться из рамок этих узких?

Чем дальше,
тем сильнее перегрузки.

А там, глядишь,
последняя заря...

Какой упрек ни адресуй судьбе,
ты все еще, наверное, в походе.

Так, сколько ищут,
столько не находят,
и снова возвращаются к себе...

Как вырваться в рассчитанном броске?

Уходит время,
как в песок уходит.

Бессмертие висит на волоске
и приговор молчания выводит.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Не отпускает напряженье,
опять уснуть мне не дает,
опять ведет со мной сраженье
воображение мое:
то крики говорящих рук,
то суета вокзальной гонки,
то, сердце сжав,
предстанет вдруг
с окна сорвавшимся ребенком.
Во тьме умолкнувших квартир
толпятся Небыли,
как Были,
и, чтоб попасть в реальный мир,
ловлю я шум автомобилей.
Потом лежу, глаза открыв,
гляжу, как мимолетно
светом
по стенкам фары ткнут ковры
на спицах приоконных веток...

Рассвет окрасил грань угла
строенья,
что напротив дремлет.
Встает он, освещая землю,
как край рабочего стола.

* * *

Осенние лучи пугливы,
но выпадет погожий час,
и желтолиственное диво
по-прежнему волнует нас.

От легкой свежести в ударе,
оставив поскучневший дом,
гуляют люди на бульваре
старомосковском —
на Тверском.

Пойти
и просто так забыться
какие-нибудь полчаса.
Свободней жесты,
мягче лица
и мелодичней голоса.

А листья падают все чаще,
прозрачней синева в ветвях,
и отблеск солнца уходящий
играет в женских волосах.

* * *

День холоден с утра и ясен,
и расставляешь по местам
все то, что накануне сам
преувеличить был согласен.

Стою,
деревья отчужденно
роняют листья в стороне.
Ни пробудившийся, ни сонный.
И в подступившей тишине
так пусто и спокойно мне.

И верно, ощущая тоже,
что он сейчас никто, ничто,
неразговорчивый прохожий
уходит,
запахнув пальто.

Все блекло.
Зелен лишь в листве
глазок орудовского знака.
Катается моя собака
в последней,
негустой траве...

И, опечалюсь,
не спеша,
к зиме готовится душа.

ОСЕНЬ В ГОРОДЕ

За молодым водителем,
что делом
был занят —
и значителен, и лих,—
светилась в полутьме невеста в белом
и в черном пиджаке сидел жених.

В опавших скверах ветер по привычке
листву гонял...
Эй, город,
я не знал,
чтоб свадьбы ты по осени играл
в своем добротном-каменном обличье.

А впрочем, все землей мы вспоены.
Я это понимаю.
И нередко
в моей крови,
из самой глубины,
восходит, пробуждаясь, память предков.

И понимаю я:
ты — тоже Русь.
И ты в камнях хранишь свои седины.
Ах, город мой,
я в поле задохнусь
без твоего проклятого бензина.

Но чья тебя туманит ворожба:
играя свадьбы весело под осень,
гостей радушно пирогом обносишь,
как будто бы с полей убрал хлеба...

Лишь осень обретет свои права—
пробудит чувств томительное пенье,
и оживут обычные слова
от легкого ее прикосновенья.

* * *

В. Кожин

Романса русского душа
передается в поколениях.
О, сколько живших,
чуть дыша,
внимали трепетному пенью.

Люблю, когда ты, просветлев,
возьмешь аккорд, на нас не глядя.
Неслышно время рядом сядет,
знакомый слушая напев.

И отрешась от будних дел,
моя душа тебе внимает,
как будто тоже вспоминает
всех тех, кто слушал,
тех, кто пел.

КОСТЕР

Батый!
Стряхнув у порога грязь,
смутил твой покой новгородский князь...

Когда твой дед в материнском подоле
лежал,
то подбитую мехом собольим
пеленку
нес бек.
Бека сын удалой
потом торопился поправить седло.
Свирепей других в окружении хмуром
Чингиза четыре его багатура.
Четыре искры его огня.
Четыре копыта его коня.
Не верили воины клятвам и чарам,
как волки овец до порога овчарни—
гоняли врагов,
ночевали в степи,
росу научились студеную пить.
Железное сердце,
с развалкой походка,
и сабли кривые у них вместо плетки,
язык шилоострый
и медные лбы.

Таким у родителя сын должен быть...

Батый!

Стряхнув у порога грязь,
смутил твой покой новгородский князь

Пред сумрачным куполом ставки-шатра
задумался князь у большого костра.
Он вспомнил, как русы везли на телеге:
купцы — аксамиты,
волхвы — обереги,
а красные девки — височные кольца,
чтоб выгнать за море татарскую конницу..
Но русам победы не даровать Богу.
Страну поделить дети Ольги не могут.
Лишь звонкий топор поле брани не ищет,
стучит по стволам на родном пепелище...

Князь слышит татар:

— Если в помыслах чист,
костер очистительный перескочи.

Костер, торжеством захлебнуться готов,
плясал, словно девять кобыльих хвостов.
А Русь за спиною.
А Русь вся в снегах...
— Негоже мне, князю, козлом-то сигать!

И тут же, как был в чешуе серебра,
прошел сквозь хвостатое пламя костра.
Окутанный гарью,
в доспехах из дыма,
вошел князь к Батыю живой, невредимый.

Оценит поступок воина воин.
Батый князю молвил:
— Ты славы достоин.
И должному—должное, сильному—силу,
дарю я тебе нашу ханскую милость.
Ты перед Батыем не пал на колени.
Прощаю я девять твоих преступлений...

Спит хан, и в сомнениях нечестивых
приходит во сне к нему дивное диво:
вороны поля с мертвецами не ищут,
монгольские плети над Русью не свищут.
Он слышит трезвон сорока сороков,
видит—падают кольца оков,
дома поднимаются прямо из пепла,
Москва без татарской неволи окрепла...

Батый!
Стряхнув у порога грязь,
смутил твой покой новгородский князь.

* * *

Не спяну целоваться лезем...
Земля, земля,
в родном краю
живу, чтоб быть тебе полезным,
и с этим всякий день встаю.

Ты по утрам,
бессмертным светом
живых для жизни пробудив,
о счастье петый-перепетый
тревожишь в сердце их мотив.

Ты каждому, как мать, готова
судьбы счастливой пожелать.
И если к сыну жизнь сурова,
то разве виновата мать?

Невзгоды на пути встречая,
душа к тебе обращена.
Я быть счастливым обещаю,
как пьяница—не пить вина.

Что буду делать все как надо,
что ровно с завтрашнего дня
души шальные перепады
с дороги не собьют меня.

Но знаю, не сдержать мне слова.
Подхваченный потоком чувств,
по перекресткам жизни снова
по воле случая помчусь.

И приключится тьма историй,
и будет каждая из них
меня со мной мирить и ссорить
и нервно лихорадить стих.

С твоим метаться буду ветром,
мой век надежды и тревог,
и о любви большой и светлой
молить судьбу у чьих-то ног.

Ты ошибаться разреши нам.
Я каждым новым днем раним.
В страстях людских, в чаду машинном
живу, ищу и мучусь с ним.

В вину не ставь мне каждый промах.
Когда душа тобой полна,
в моей судьбе,
в ее изломах
суть времени обнажена.

А быть счастливым обещанье
я все-таки тебе даю.
Да сбудутся твои желанья!
Я с этим всякий день встаю.

* * *

Душа не знает, кто она.
Но выпадет ее мгновенье,
и отзывается струна,
не ощутив прикосновенья.

Себе уж не принадлежишь,
и все в окрестном мире слышно.
Ты с ним един.
Движеньем лишним
с ним общности не повредишь.

Невдалеке аэродром
гудит,
как за перегородкой.
В ответ ему — крик птиц короткий,
что стайей покидают дом.

Костер невысохшей листвы
печалит горьковатым дымом...
Как это все необходимо,
и не подозревали вы.

Неосторожная затея:
стоишь, как будто на краю
бессмертия,
еще острее
минутность чувствуя свою.

Минутность... Что ее игра мне?..
Когда душа взойдет во мне,
со всей землей,
как равный с равной,
я остаюсь наедине.

Узнаешь,
что не каждая вина
перед тобою в чем-нибудь повинна,
что всякий миг земля разделена
на день и ночь,
как на две половины.

* * *

Блестят очки автомашины.
Ноябрьский воздух серебрист.
И тополь на пустой вершине
флажком последний поднял лист.

Снег падает,
мгновенно тая.
На расстоянии любом
листва напоминает стаю,
летающую на голубом.

В прощании с порой осенней
повеселевшая на вид,
не сдерживая напряженья,
негромко улица гудит.

Под крышами пылают пятна
неубранного кумача.
Жизнь, словно мальчику, понятна,
как будто—рубится сплеча.

Листвы и храмов позолота
летит над праздничной Москвой.
Ты вновь со мной, моя работа.
Я полон сил,
я снова твой.

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Н. Рубцову

Тебе какой-то час назад
все в городе осточертело.
Домой рвались
душа и тело...
А где твой дом?
Ему ты рад?

И ты уж думал про билет
на поезд,
что уедет ночью.
Но вдруг сказал:
— Мне грустно очень
и уезжать желанья нет...

Дома столпились и глядят.
Прямые,
странные строенья,
и серое,
под настроенье,
повисло небо без дождя.

Ты в мыслях от Москвы далек
и представляешь без волненья
под Вологдою уголок
с рекой
и маленьким селеньем.

Гулянье трав с утра,
кусты,
к обрыву заманивший омут.
Пейзаж, до мелочей знакомый,
но им не трогаешься ты...

Ты не вздыхаешь о тепле.
Что это в нас?
И сами кто мы?
Привязанность ко всей земле
или утрата чувства дома?

Ах, милый,
не прервется нить.
Присели,
помолчав немного,
вставай,
зовет тебя дорога.
Ведь встретимся,
чего грустить.

ВЕСНА НА БАЛКОНЕ

Весна на соседских балконах
все чаще находит приют.
Дворов не хватает зеленых.
Асфальт современной,
а тут...
Из самой затейливой тары,
чтоб как-то потешить народ,
настойчиво, как на опаре,
зеленая всячина прет.
Кричу я соседу: «Здорово!»
Неубранной бросив кровать,
он с банкою вышел литровой
свой сад-огород поливать.
А я-то подумал недавно,
похожий почувствовав зуд,
что землю с окраины дальней
в ведерке один привезу.
Страсть прадедов наших,
былая,
как странно проснулась она...

Людей от земли удаляя,
все выше взмывают дома.
Внизу, у квадратных подножий,
вихрится, волнуется жизнь,
и ритм наш вчерашний помножен
на то,
как растут этажи.
И окон прямыми рядами
от тверди, что так далека,
уходят упрямые зданья,

как роты солдат, в облака.
Земля далеко —
словно тонет.
Асфальтом залита она.
Но в горстку земли на балконе
сосед посадил семена.
Земля ему необходима,
и с нею не порвана нить...
Свой сад он,
как фото любимой,
решил навсегда сохранить.

* * *

Осенних дней спокойное паренье.
Вокруг земля в особенном цвету.
Она опять меняет оперенье,
движенья не замедлив,
на лету.
Так женщина на середине дней
встречает пору нового расцвета,
венчая песню молодого лета,
и взгляд ее задумчивый светлей...

Кто грусть ее,
кто радость объяснит? ..

Осеннее, особое цветенье.
Летит земля,
меня оперенье,
и след огня опавший лист хранит.

* * *

Ах, осень, нынче ты не удалась —
так падает звезда, не догорая.
Повсюду сразу выступила грязь.
Снег тает, до нее не долетая.

Намокшая простыла мостовая:
лежит листва, завянуть не успев,
холодным ветром сбита с дерев
до времени, еще полуживая.

Нарушена естественная связь,
и, мягко по ковру листвы ступая,
иду-бреду, дорог не разбирая,
задумчивей и тише становясь.

Безлюден сквер... И исповедь листа
летающего спокойна и чиста.

ПОДМОСКОВНЫЙ СОЛОВЕЙ

Стоит непевчая погода.
В саду не слышен соловей.
Остыла медленно природа
за несколько последних дней.

А как он раньше пел над садом,
в округе сумерки пьяня,
в ветвях усевшись где-то рядом,
как будто только для меня.

Как щелкал он и как свистел,
как позабыто, непривычно.
Я, выбравшись из груды дел,
спешил к нему на электричке.

Вот странности судьбы моей:
и как это могло случиться,
что мне обычный соловей
как экзотическая птица.

Когда тепла для песен нет,
куда он только улетает?
Бледнеет сумрачный рассвет.
Сегодня без него светает.

Пой, соловей, нельзя же так.
Пой, птица, не неволь природы.
Что из того, что день был хмурый.
Молчание—недобрый знак.

Зачем себе же на беду
молчать превратностям в угоду..
Стоит непевчая погода.
Не слышен соловей в саду

* * *

Как бы там ни свербило в груди,
ты не выйдешь из этого круга.
Будет все,
что нас тянет друг к другу,
на полшага идти впереди.

И в чужой холостяцкой квартире,
где утратят значенье слова,
позабудем о людях, о мире,
обо всем, чем полна голова.

Но возникнет ни рано, ни скоро
отрезвления зябкая дрожь.
Щелкнув сумкой, ты снова уйдешь
в темноту,
в остывающий город.

Разойдемся...
Но хуже всего
эта вот заколдованность круга:
ничего не скрывать друг от друга,
но и не открывать ничего.

СЕРДЦЕ

Ну, что с тобой!
Уймись,
не бейся.
Держись еще хоть как-нибудь.
Что толку,
не окончив действия,
разбиться.
Ведь не в этом суть.

Страстями овладеть сумею —
пристрастья мне куда бы деть.
Твой стук мешает мне трезвее
все то, что вижу, разглядеть.

Держись умения мужчины
в глаза встречать дурную весть.
Сердцебиенью есть причины,
для зоркости —
подавно есть.

Но не забудь—
ты сердце все же.
Так страшно,
так пустынно вдруг,
когда, как слух ни насторожен,
не слышен твой тревожный стук.

* * *

В окне темнеет вечер ранний,
и, сказочно удалены,
огни во тьме пропавших зданий
мерцают по краям луны.

Как будто холода пророча,
клубится за стеною тьма.
Внимая пробужденью ночи,
сидишь ты —
таинство сама.

Так у дорог сидели боги.
Ты — в окруженье тишины,
и серебристый луч луны
во тьме твои рисует ноги.

А комната, где мы одни, —
затерянный средь ночи остров.
Но страх, что все мчатся дни,
с тобой не чувствуешь так остро.

Пускай, колдуя, тьма клубится,
стараясь выдавить окно.
С тобою ширятся границы
того, что сделать мне дано.

* * *

Ты опять опоздаешь.
Я знаю.
Ничего,
посержусь, и пройдет.
Перегруженность наша земная
нам порою взлетать не дает.

Ты придешь,
не спеша и устало,
далеко уже после шести,
так,
как будто прийти обещала —
а теперь вот
нельзя не прийти.

ВСТРЕЧА

Ни радости,
ни чувства долга
от встречи.
Просто старый дом.
Места, где жили мы недолго,
порой совсем не узнаем.

Чужие окна заслонило
зеленым выводком берез.
А здесь ведь нелегко мне было,
немало здесь я перенес.

И вот отсутствием родства
я неприятно озадачен.
На ветвях обо мне судачит
новорожденная листва.

Смотрю растерянно на окна.
Молчит, как будто вымер, дом.
Трава после дождя намокла
и зябко ежится кругом.

Как далеко уходит небо
от крыши вымытой.
Бог с ней.
Весь мир,
где был я
и где не был,
куда понятней и родней.

* * *

Я все сомненья и печали
оставил дома,
чтоб в пути
их лишним грузом не везти,
дороги новые встречая.

Но старой раной
сердце ноет,
негромко отбивая счет,
и чем быстрее мчится поезд,
тем время
медленней течет.

ПЕРЕКРЕСТКИ

Пьют пиво,
курят в вагоне жестком,
ворчат на скупость семейных смет.
Сколько спуталось перекрестков!
Сколько людей поднялось с мест!

Судачат табором на колесах,
что в мире ново,
а что старо.
Вагон —
как узел из отголосков
со всех краев
и со всех сторон.

Под смех рассказывает верзила,
что, мол, в каком-то конце земли
нашли последнего старожилу
и экспонатом в музей свезли...

Мне ехать с ними легко и просто,
и гул вагонный не надоест...
Сколько спуталось перекрестков,
сколько людей поднялось с мест.

ПО ДОРОГЕ НА ЮГ

Печальная зима без снега.
Нет беспризорнее зимы.
Следы осеннего набега
не убраны,
не сметены.

Повсюду грязь, и голо поле.
Ни вечной зелени, ни вьюг.
Какой-то переходный пояс:
не север, но еще не юг.

И видя рощи поределой
бесснежный и скупой удел,
ты вспомнишь:
многого не сделал
и жить-то толком не успел.

Опять подумаешь — старею.
Зима, зима —
одни слова.
И поезда бегут скорее,
чтоб это место миновать.

* * *

Я вспомнил, сколько видел городов.
И сам смеюсь,
а на душе неладно.
Я сам себе завидовать готов,
как этот мальчик,
слушающий жадно.
Бывало, раньше,
что мне ни пророчь,
меняю направленья бесшабашно,
до времени забыв про день вчерашний,
не размышляя, где застанет ночь.

Да и теперь не склонен выверять
свой путь я.
Что мне доводы рассудка!
Не думая, разбрасываю сутки,
но счет я разучился им терять.

Я увожу, как груз, любой пустяк.
Ни лиц, ни мест, ни слов не забываю.
И стелется земля,
всегда живая,
и гулко отдается каждый шаг.

ПРОГУЛКА ПО АМИРДЖАНАМ

Я хочу, чтобы ты полюбила
этот в камни оправленный сад.
Все в нем, словно нарочно, как было
на земле пять столетий назад.

Коридоры блуждающих улиц
меж глухих, грубо сложенных стен,
незаметно покинув райцентр,
вышли в прошлое и не вернулись.

И меж стен я иду коридором,
где асфальт припорошен песком,
переулком кривым,
над которым
облака растянулись гуськом.

Лишь песок, да жара и ограда,
но калитку любую открой —
и зеленое пиршество сада
расступается перед тобой.

Как изнеженна зелень густая.
Звезды вишен — поверх головы.
Только странно внизу не хватает
нашей мягкой, веселой травы.

Деды ставили камень на камень
не в библейское время,
но все ж
в их крови растворенная память
сохранила древнейший чертеж.

И во внуках,
не видимый сразу,
этот дедовский дух не зачах:
польхает горелка для газа
во дворе, словно древний очаг.

Что же я не пройду стороною?
Что застрял здесь с волненьем своим?
Где б ни встретились со стариною,
как пред собственным прошлым стоим.

Я смотрю на огонь, как на чудо,
словно слушая голос земли,
грустно думая,
кто мы,
откуда
и зачем ненадолго пришли?

ПОТОК

Упав из трещины гранита
он, бегу радуясь, по выступам скакал
и, скалы пробуя сверкающим копытом,
нетерпеливо брызги высекал.

Мечтал, играя,
солнце расплескать
на гранях волн,
штормить
и льдиной стыннуть...
Но встретилась в пути пустыня
и задушила сонного в песках.

Уткнувшись в спину желтого бархана,
соленой пеной серебря песок,
и обессиленный,
он бредил океаном,
которого найти не смог.

СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ

Темна, как тайна, память наша,
как бурая земля темна.
На старом кладбище Агдаша
и зной, и тень, и тишина.

Как пламя, вьются клубы пыли
среди деревьев и могил.
Кто под плитой?
Давно забыли.
Он словно до потопа жил.

Ни слез, ни шепота, ни крика.
Безмолвна букв арабских вязь.
Слова застыли безъязыко,
утратив с новой жизнью связь.

Заборы, садики, хоромы
погост по кругу обошли.
На нем давно уж не хоронят,
но не тревожат здесь земли.

Обходит жизнь погост по кругу,
не ведая своих начал.
Она не хочет от испуга
тут просыпаться по ночам.

Не замечая запустенья,
поднялись камни.
Что им страх?
И против хода солнца тени
как в древних движутся часах.

НЕФЕРТИТИ

Г. С.

Не дремлет чуткое эхо событий,
ласкает каменный свод,
и всюду слышится:
Нефертити —
Прекрасная дама идет.

Она идет,
и светлое утро
встает в четырех краях.
Ее придворный художник Тутмес
такою из камня ваял.

Но коль в страну,
где царит молчанье,
причалит ее ладья,
сердце,
трепетное ночами,
взвесит седой судья.

Супруг державный
ее, прекрасной,
блистательный Эхнатон,
двумя коронами,
белой и красной,
отцовский венчает трон.

Себя Атону считая равным,
для мира забыл войну.
Прогнал богов
и молится в храме
солнцу лишь одному.

Святые знаки в столице новой
рабам повелел тесать.
Святые гимны
народным словом
жрецам приказал писать.

Пусть гнутся льстивые царедворцы —
на то им дана спина.
Но равно
тяготы богоборца
должна разделить жена.

Коль в Фивах новое унижение
тайно жрецы прядут,
она чутьем
первобытно женским
всегда разглядит беду.

Угрюм богоборец,
и нет покоя,
свет белый ему не мил —
она дарит его лаской такую,
как землю разливом Нил.

И как ни тяжки вериги эти
и лесть для ее ушей,
но даже близкие
не заметят,
как смутно в ее душе...

Не дремлет чуткое эхо событий,
ласкает каменный свод,
и всюду слышится:
Нефертити — Прекрасная дама идет.

ЧАСЫ

Фикрету Годже

Часы остановились на стене,
и в смуту, и в тоску бросая разом.
Не доводилось раньше думать мне,
что к медленным их стрелкам так привязан.

Мой друг — хозяин дома, —
как и я,
похожую тоску познал и смуту,
незыблемость утратив бытия,
когда его не меряют минуты.

Казалось бы,
и дела нет у нас —
сиди и слушай время, как растение.
Но хоть кричи в окно:
«Который час?» —
как будто о немедленном спасенье.

И в руки ты берешь себя с трудом.
Часы не бьют—
ты места не находишь
и мечешься, как рыба подо льдом,
где кислород последний на исходе.

Как будто день не заменяет ночь,
и нет часов исправней смены света.
Привыкли:
«Сколько времени?»—
и прочь
бежишь, почти не слушая ответа.

Стоят часы.
Двенадцать без пяти...
И вздрогнешь вдруг,
как неврастеник полный.
Что без пяти-то?
Полдень или полночь?
Ты не привык—
часы должны идти.

НЕСЕРЬЕЗНЫЕ СТИХИ

В нашем доме все мои соседи,
да и не они —
прохожий всяк
каждому,
кто вдруг ко мне приедет,
объяснит,
где я живу и как.

Вызовутся дружно, чуть не в драку,
гостя проводить по этажу,
сообщат,
что в яблоках собаку
регулярно по двору вожу.

Ну, а я
тому, кто к ним приедет,
не отвечу,
где живут и как
самые ближайšie соседи,
оттого,
что нет у них собак.

* * *

Собаки ночью тоже видят сны.
Цветные?
Черно-белые?..
Не знаю.
И весело становится от сна им.
Бывают чем-то и раздражены.

Ты тоже, пес, загадка бытия.
Каким душа твоя обжита светом?
Поговорим.
Сны вижу, брат, и я,
хоть не подозреваешь ты об этом.

Я в снах моих,
как будто наяву,
заманчивой искусной силе внемля,
влюбляюсь, умираю и живу и,
как создатель, сотворяю землю,

где на просторе дышится легко,
где любят нас,
где многое не мнимо,
где очень близко все, что далеко,
и каждое желанье исполнимо.

А если я опять тревожно сплю
и на дневных невзгодах сон настоян —
я этих снов, приятель, не люблю, —
а значит, говорить о них не стоит.

Молчишь,
хоть все и понял без труда.
Тебе, бедняга, объяснить нечем.
Приснись мне,
побеседуем тогда
на настоящей,
человечьей речи.

НЕПОГОДА В МАЕ

Мне тягостна ненастная погода,
когда идти не хочет даже дождь.
Ты дверь закрыл,
ты никого не ждешь,
и холод за дверями встал у входа.

Понурый день,
как серая чума,
все заливает,
не имея стока:
и белые безжизненно дома
с дразнящими рядами черных окон,
и расписные шапки колоколен,
прохожих, не минуя никого...

С утра проснешься беспричинно болен,
когда причины есть и без того.

Сказать бы:
непогода — все одно —
не видел разве?
Надо б за работу...
А сам, стараясь не глядеть в окно,
сидишь, как будто руки держит кто-то.

* * *

Семейные реликвии...
Их мало.
Какое мало—
попросту их нет.
Так часто начинали все сначала,
что вещи наш не сохраняют след.
Любимая,
вот правило простое:
живые, помышляя о живом,
грядущий день мы продолжаем строить,
а в настоящем временно живем.
Снуем по дням,
как по настилам шатким,
словами переброситься спеша.
Простерся мир строительной площадкой,
и вещи, и людей перемешав.
В нем мысли и поступки наши тонут.
Лишь время новый совершит свой круг,
оглянешься —
и жизнь как на ладони,
все чувства всколыхнув, предстанет вдруг.
И каждая вина непоправима.
И каждый светлый миг невозвратим.
В минувших днях присутствуя незримо,
хожу я в прошлом,
как прощаюсь с ним.

А часто
в очень тихую минуту
совсем из тьмы,
совсем издалека
я чьи-то речи различаю смутно,

прошедшие сквозь время, сквозь века:
— И труд, и жизнь
как будто пруд проточный.
Работай, верь, не думая о том,
что вкусишь от плодов своих.
Мы — почва
для здания, что выстроят потом...

А посмотрю вокруг:
лежит земля
в строительных лесах, как это зданье,
в заботах стройки радуга и зля, —
труда и жизни нашей оправданье.
Но в этом доме будут жить потом.
Мы близко к ним.
И лица даже видим...
На повороте повзрослев крутом,
из жизни,
как из поезда мы выйдем.

Любимая,
так протекают дни.
В незавершенном, строящемся зданье
блуждаем, как неясные огни,
и носим в сердце
все, что было с нами.
Блуждаем, как огни,
и оттого
еще друг с другом связаны сильнее.
Судьбою это кровное родство
оплачено
и выношено ею.

Не жалеюсь,
мне славный жребии дан.
Не надо лучших.
Этот буду петь я...

Последние из смертных могикан,
что жили на земле тысячелетья.

* * *

Свершилось.
Наконец освободился
я от того, что так сказать хотел,
от нужных слов,
от неотложных дел,
от смутных чувств,
в чьей власти находился.
И вот теперь я знаю, что хочу.
Нет прежних доброжителей и пугал.
Жизнь разучился хлопать по плечу.
Отчаявшись, не забиваюсь в угол.
Земля мне отдана на сумму дней.
Потом уйду я — нет обычной вещи.
И все, что есть нетленного на ней,
передо мною проступает резче.

Земля родная,
плачь и веселись,
среди ночных пространств рожденный
камень.

Вздымай утрами синий купол ввысь
и на лету размахивай ветрами.

Теперь тебя любить не разучусь.
Свободен я,
и звуки мне покорны.
Природу постигая силой чувств,
я новые ее рисую формы.

Я — часть тебя.
Взгляни на жизнь мою.
Платя порою дорогую цену,
себя не обезболив,
создаю
черты людей, идущих нам на смену.
И потому такой,
каков я есть —
от будничной сердитости до песен, —
как сбивчиво написанная весть,
потомкам дальним буду интересен.
И как бы ни кричал,
как ни был тих,
не выскажу ни просьб, ни обещаний.
Я о себе пишу.
Мой каждый стих —
и исповедь, и завещанье.

* * *

Весна на середине дней
опять меня врасплох застала.
Весна, весна,
гори ясней,
свети во что бы то ни стало!

На середине ли?
А кто
на это мне сейчас ответит?
Стою.
Расстегнуто пальто.
Еще одна весна мне светит.

Стремится смелая трава,
почти невидимая глазу,
в апрельский холод.
Синева
ей детский помутила разум.

И я взволнованный стою,
забыв печали и заботы,
и ощущаю жизнь свою,
как очень близкого кого-то.
Весна, как радостная весть,
пришла
и словно захотела
напомнить мне,
что время есть
и неоконченное дело.

II

***«КАК С ТЕНЬЮ СОБСТВЕННОЙ
БОРЮСЬ***

ВНУКИ ОКТЯБРЯ

Сегодня,
как всякий день,
с грохотом ходят трамваи.
На бульваре, кого ни задень,
и сегодня тебя облает.
Буркнет себе под нос
резкость
без всякой злобы.
Так,
по привычке, должно быть,
как лошадь жуёт овес.
Новое — падает снег.
Остальное —
одно и то же.
Реклама "Курите "Казбек"
и та измениться не может.
А когда случится беда
или пьяный дурачится,
встав на колени,
благодарная улица бросится туда
набираться впечатлений.

Было время, годы, молодея,
скомкали в себе
столетний гнев людей.
В муках улиц, в столах площадей
приняла толпа великую идею.
Мы — заблудившиеся внуки Октября.
У сильных отцов
усталые дети.
Для нас утратила ясность заря,

и солнце не нам, а кому-то светит.
Бодрые песни у нас поются,
а в нас самих этой бодрости нет.
И это...
И это в стране революций,
в стране боев и побед...

На мыслей жалуясь немоту,
сам себя посылая к черту,
в пальто нараспашку,
с окурком во рту,
шатаюсь,
ушел Пятьдесят четвертый.

1954-1958

* * *

Мечты...
Не вышло любовной
дороги с ними.
И не раз
действительность давала бой нам,
круша мальчишеский мираж.

И, еле сдерживая дрожь,
стоял рассержен,
одурачен.
Ведь, главное, —
не разберешь,
кому и как ты дал бы сдачи.

И чтобы не прошел запал,
ты долго злишься на кого-то...
Так вот,
я вновь себя застал
за бесполезною работой.

Как с тенью собственной борюсь...
Да что это опять со мною?
Я в положение смешное,
как в юности, попасть боюсь.

Я стал мудрей.
Мои мечты
реальны,
словно звезды эти,
и как ни далеки,
но светят
с непостижимой высоты.

И все зовут к себе, маня
тем, что я близок их природе...
Чья только тень за мною бродит,
не отставая от меня?

1962

* * *

Как отмахнуться ни стремись,
в тебе возникшая мгновенно
уж выглядит обыкновенной
неутешительная мысль,
что сами мы себе чета,
от многого идем с отрывом —
небезоглядна доброта,
она сродни благим порывам.
И пустота,
род постоянства,
заполнена в тщете мирской,
как безвоздушное пространство,
бог знает, мелочью какой...

1964

* * *

Вик. Липатову

В борьбе
вдох - слабый отголосок.
И в голову придет кому
сходить с пути
лишь потому,
что грязь
запуталась в колесах.
Но горько следовать судьбе,
судьбе и нужной,
и немилрой,
и неистраченные силы
вдруг не почувствовать в себе.

1964

* * *

Нет, на клочки себя не рвем,
но побуждения быть цельным
меж словом и поступком дельным
лежат непроходимым рвом.
И, втянутый в круговорот,
ты собираешь жесты, лица,
и чей-то взор тебя зовет.
На всем спешишь остановиться...

Эх, то ли дьявол, то ли Бог,
что ищешь ты со страстью всею,
сначала в ступе растолок,
потом по всей земле рассеял.
А ты надеешься на чудо
и бродишь, бродишь без конца,
как будто собираешь всюду
черты желанного лица.
Вот все откроется сейчас...
Так бы срывал людские маски.
Чудак...
Не со своих ли глаз
пытаешься ты снять повязку?

1965

* * *

Опять любви пришла пора.
С ее приходом встал я снова.
Так милосердная сестра
выводит под руки больного.
А мир, как прежде, обмывал
меня прохладой и сиренью,
загадочно скользящей тенью,
приглушенностью всех начал,
и темной зеленью,
и смехом,
и чьим-то криком,
что торчал
в утробе ночи, как помеха.

И скрытый мир меня томил:
как знать,
что там внутри творится?
Как выразить весь этот мир,
стремящийся разговориться?
Зачем тогда мы рождены,
коль с ним и объясниться нечем?..

Вдоль улиц,
строим,
до луны
брели неоновые свечи.

1965

В МАСТЕРСКОЙ СКУЛЬПТОРА

— Спиртного кончился запас, —
хозяин бросил. —
Посиди с ним.
Я ненадолго.
Я сейчас.
надеюсь, он не будет лишним.
Мой труд тебя не ослепил
искусством.
Что же, дело вкуса.
Ульянов...
Я его лепил
для парка,
кажется, Тарусы...

В углу коротенький диван.
Лег на него я,
ноги свесив.
Напротив глиняный болван
означился при лунном свете.
Подчеркнуто широк в плечах.
Меня в два раза ростом выше...

И вдруг из тьмы явился страх:
мне показалось —
глина дышит.
Пропал хозяин.
Сколько ждать?
Сквозь унижение в нервной дрожи
себя пытаюсь убеждать:
ведь этот-то ожить не может.
По договору - мастерство,
но скульптор, чтоб разгорячиться,

ремесленно вложил в него
таланта своего частицу.
Нелепый глиняный урод
на грубо срубленном помосте,
что в голову ему взбредет
при этой тяжести и росте?
Захочет он со мной обняться,
слова пудовые пьяня,
или, желая поразмяться,
задушит в мастерской меня?
Потом приняв простецкий вид,
возжаждав прелестей простора,
с картавым смехом убежит
в заснувший, беззащитный город?

Смотрю украдкой на атлета,
и жутко с ним наедине...
— Ты что не зажигаешь света? —
войдя, сказал хозяин мне.

12 авг. 1968

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Смешная рамка, донельзя банальна:
тут книги, компас, глобус и магнит...
И паровоз усами шевелит,
собой являя штрих индустриальный.

А впрочем, и добра, и не спесива
фотографа кустарная краса.
Мальчишки перед оком объектива,
и снизу надпись про седьмой класс "А".

Я дочь позвал и говорю:
— Наташа,
ты через год возьми-ка и сравни,
коль снимется на память группа ваша,
вдруг карточки окажутся сродни.

Небрежно сдув со снимка пленку пыли,
сказала дочь:
— Я видела сто раз...
Что сравнивать,
мне ясно и сейчас,
мальчишек наших вы постарше были...

И правда, как-то насторожен взгляд.
Действительно,
недетское в нем что-то...
Глядят вперед, как будто бы хотят
проникнуть в то,
что за пределом фото.

1969

ОКтябрьский лед

Врасплох октябрьский первый лед
с утра сковал поверхность пруда,
и, словно завершая чудо,
лишь тронь его —
он запоет.

Вода под громким льдом светла.
Куски, отколотые с краю,
в руках детей напоминают
прозрачные колокола.

И словно музыка звучит
и за собой зовет куда-то...
— А как мне холодно, ребята! —
мальчишка весело кричит.

1969

* * *

Памяти Сергея Дрофенко

«Нам трудней —
мы вас не понимаем»...
За окном назад летела ночь.
Мне смотрела вслед печаль немая,
и ничем не мог я ей помочь.

Матери,
вдали от тех событий,
что к себе потребовали нас,
вы за нами пристально следите,
тише и тревожней становясь.

Надо же, пройти такие войны,
столько знать лишений и смертей,
чтоб и старость не была спокойной,
чтоб смятением мучилась детей.

Ну, а дети что же...
Жребий брошен.
Забегут на несколько минут.
В постоянных думах о хорошем,
как попало, наскоро живут.
Не умеют, видимо, иначе.
Все один и тот же разговор:
человек, душа, удел, задача...

Словно не решали до сих пор.
Словно в том и есть сегодня доблесть,
что непросто подыскать ответ.
Бой уходит в нравственную область,

где разрывов и окопов нет,
где стоишь ты, как на месте голом,
мучаясь, что выглядишь смешно.
К тридцати подружишь с валидолом.
Рядом - и таблетка, и вино...

Так вот и живут.
Не потому ли,
и не целясь, настигает их
среднестатистическая пуля
из так называемых шальных?..

Матери,
вам наша жизнь подсудна.
Только что могу я обещать...
А ведь это бесконечно трудно,
и не понимая,
все прощать.

1970

* * *

Вот и наши ряды поредели.
А давно ли — порыву верны —
появились мы мир переделать
в свой черед, по закону весны.

И бесстрашно, и весело нам.
Но потом,
постепенно, не сразу,
брал свое пробуждавшийся разум
и к утру разводил по домам.

Возрождения душ мастера,
мы в простых переделках терялись.
Мир был тем же, чем был и вчера:
и вещественен, и материален.

Брал он верх не добром и не злом,
а добротной житейской основой,
может быть, и готовый на слом,
только не от волшебного слова.

И чем далее в область мечты
улетали от нас небылицы,
тем заметней чужие черты
проступали на дружеских лицах.

И все чаще один я теперь
и тот пыл, неумный и зыбкий,
посреди повзрослевших потерь
вспоминаю со взрослой улыбкой.

Но бывает — порыв голубой,
побуждения младости нашей,
все, что вижу, окрасит собой,
во все небо крылами замашет.

И тогда повседневная жизнь
обернется весенней вселенной,
обнажив предо мной механизм
самый мудрый свой и сокровенный.

1973

* * *

Не мчится время на часах разлуки.
Минуте успеваешь глянуть вслед.
Миг тянет к небу маленькие руки.
А Бога? Говорят, что Бога нет.

Вот осень отпылала, сбросив листья.
Межвременья неряшливый наряд...
Что толку в повторенье старых истин,
когда их в утешенье говорят.

Разлука? С кем?
Но с кем-то ведь разлука.
Я как бы самого себя лишен.
Зову - в душе ни отзвука, ни звука.
Так память в явь перемещает сон.

Не надо мной сзывает осень тучи.
Нельзя ж все чувства
принимать всерьез.
Но возникает, неотступно муча,
столь близкое, на что не жалко слез.

Эпоха перед тем,
как с ней мне слиться,
пред тем, как ей ввести меня в дела,
какую-то старинную вещицу
явила мне, а в руки не дала.

Что это? Символ?
Отблеск чьей-то пряди?
Зов вечности?..
Судить я не берусь.
Послал бы вскачь коня туда,
не глядя,
да не вернуться в этот мир боюсь.

1977

БИРЮЛЕВО-ТОВАРНАЯ

Странный призрак привиделся мне
незнакомому пьяного парня.
Появился он в темном окне.
Это на Бирюлево-товарной
было.
Книгу читал я тогда
и очнулся от легкого стука.
Парень жестами:
брось, ерунда, —
показал мне, —
ненужная штука.
Спи, —
и, голову набок склонив,
он прикладывал к уху ладони,
мысль руками без слов пояснив.
Он на улице был, я — в вагоне.
Что хотел?
Отчего был он прав?
Хулиганил ли?
Выпил ли лишку?
Только я,
словно все осознав,
внял ему
и в карман спрятал книжку.
Жестом я объясняю ему,
что согласен,
перечить не стану,
мол, раз хочешь ты —
быть по тому.
Я стучу кулаком по карману.
Мол, хоть вижу такое впервой,

в чем-то прав он,
и это бесспорно.
Парень в такт мне кивнул головой,
растворился на темной платформе.
Эпизод не вполне объясним.
Что таится за странною тенью?
Отчего согласился я с ним?
И откуда пришло облегченье?
Ищешь мира,
а суть такова:
ни с умом и ни с сердцем нет сладу.
Все-то мечемся.
Эх, голова.
Вправду, может быть, выспаться надо.

7 нояб.1980

* * *

Два цветка на озябнувшей вишне,
как два парашюта,
посреди нераскрывшейся,
малозаметной листвы.
Задержалась весна —
помешали плебейские путы
нашей умной любви,
не способной терять головы.

Вы все там,
но и в городе тоже такая погода,
только птицы не те
вам трубят пробуждение дня.
В недоезжей деревне, в лесу
поселюсь на полгода,
и последним
грядущие хлопья изгонят меня.

Это лоно природы
описывать вам не берусь я.
Но имеет приятно запущенный
облик оно.
Что нам обе столицы
и даже хотя бы Таруса.
Где-то рядом есть центр —
называется Алекино.

Только я не об этом...
На вишне, как два парашюта,
два цветка в непогоду
никак не достигнут земли.
Остальные, нецветшие,
словно уже отцвели.
Я толкую их так —
подступила такая минута.

Да, любовь суховата,
как будто в кульке семена.
Не глупеем от слез —
нас не те воспитали романы.
Ошибаемся поздно,
поэтому старятся рано
наши лучшие чувства.
И жажда не утолена.

Треволненья свои
выражать научились наружно.
Честь по чести,
и в этом заметна занятная прыть.
Шепчет жизнь: будь разумным...
Зачем? И кому это нужно?
Лучше пусть уж расплата,
чем точно за все заплатить.

* * *

Извечная женская суть
проста, как священная роща.
Вселенной не выдумать проще.
Но страшно в нее заглянуть.

И очи их, как зеркала,
где смутно твое отраженье.
Бросаешься в жизнь, как в сраженье,
промолвив: была не была...
Не жалуйся, если сполна
не сбылся...
Судьба - не случайна.
Ты сам не раскрыл своей тайны,
что в женщине миру дана.

* * *

Девический облик луны,
чужое пылание счастья.
Вокруг очертанья полны
дразнящей усталостью страсти.

Тебя в ночь одевшийся бес,
который в ребро, обнаружит
и в омутах звездных небес,
мороча сознание, закружит.

Эх, мне б на ногах устоять,
в разумное душу закутать.
Увы, бес сумеет опять
смутить, раздражить и попутать.

Как эхом последнего дня,
вспьянит тебя жаждою вещей.
На свете, помимо меня,
есть истинно вечные вещи.

* * *

К потерянному раю не стремись.
На ту любовь ты не имеешь права.
Былое – суверенная держава.
Вернуть назад – нестоящая мысль.

Взгляни, ведь эта женщина не та.
Была бы той она, когда приснилась.
А в этой жизни – все переменялось.
Перед тобой – чужая красота.

И ты ее обратно не зови.
Судьба былого не перемещает.
Вас искушает память той любви.
И эта память только помешает.

Простая диалектика души.
Там, в глубине, не спорят рок и случай.
Ее не бережи, себя не мучай.
Спроси: "Как жизнь?"
И дальше поспеши.
Не возвратитесь...
Ты этот праздник справил.
Ущербны исключения из правил.
Мы всякий раз другие.
Испокон
так повелось:
закон и есть закон.

III
«ЗАПОЗДАЛЫЙ АПРЕЛЬ»

* * *

Себя впервые много лет назад
я осознал,
разъяв и твердь, и воды,
и небеса,
когда открыл мой взгляд
ночное небо в ясную погоду.

Плыл Млечный Путь,
за край земли стекая.
Созвездия...
Не знал я их имен.
И звезд не знал я,
где горит какая.
Да и сейчас не очень в них силен.

Я многому в пути моем внимал.
Отринув время,
доверял минуте.
Дела свои земные отравлял
невольной думой об их скрытой сути.

Я повторял:
душе не прекословь.
Но в этом не всегда хватало силы.
Являясь в разных образах, любовь
мне жизнь мою на времена делила.

Я открывал в ушедшем чудеса
и забывал, что происходит рядом.
Но, взор подняв в ночные небеса,
смотрел на них все тем же первым
взглядом.

И все еще хотелось мне взглянуть.
Вновь разделялись небо, воды, суша.
Я чувствовал,
что снова наши души
зовет куда-то старый Млечный Путь.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

За окнами родился странный звук.
Не различить:
ни музыка, ни пенье.
Но слитен он.
Он длится, как ступени
звучащие
или движенья рук,
производящих музыку.
К окну
летит волнами.
И подобна сну
его неуловимая реальность,
как передача мыслей или чувств
без помощи произносящих уст,
когда значенья не имеет дальность.

Встревоженный, к окну я подхожу,
Земля сокрыта под покровом странным.
Насколько видит глаз,
она внизу
устелена светящимся туманом.
И небо над такой землей черней,
и звезды словно ниже и крупней,
и сгустками мерцающих огней
отражены,
как в зеркале, на ней.
Дыханье затаив стою над ними
и чьи-то различаю в них черты.
Они полупрозрачны и чисты.
И облики чем далее,
тем зримей.

Вот сгусток света, отделись от них,
легко взлетел
и в комнату проник.

И вижу я:
стоит передо мной
войны минувшей
неизвестный воин.
Он так и не расстанется с войной,
он так и будет жить последним боем.
Но не поблек на форме цвет защитный.
Как могут только новые,
звенят
ремни на гимнастёрке, ладно сшитой.
Он с интересом смотрит на меня.
И силимся мы с ним узнать друг друга
и понимаем, что не узнаем,
что память наша —
словно темный угол.
И каждый замыкается в своем.

Но вот мой гость протягивает руку:
— Встречай,
теперь и я к тебе пришел...

И молча мы садимся с ним за стол.
И за окном, во тьме,
сморкают звуки.

— О чем ты думал?

— Омск я вспоминал.
Ведь от себя нам никуда не деться.
Я помню лица всех,

но имена
утратились.
Как безымянно детство
пред именем единственным —
война...
А в жизни есть всему своя цена...
Ты полюбить успел?

— Я?.. Нет почти...
Мне не пришлось.
Все, что со мною было,
со временем легко бы отступило
пред тем огромным,
что могло прийти.
Не только я...
Род оборвался мой.
Кто угадает, что покрыто тьмой?
Судьба,
всему садовник своенравный,
ветвь срезала...
В трехтысячном году
вселеннолет на световом ходу
изобретет не мой далекий правнук...

— Да, многое с собой взяла война...
Все кажется, что есть всему цена,
условная, пускай...
Взгляни назад — там, за тобой,
убитые лежат.
И кажется земля гигантской чашей
весов.
И все, чем мы окружены,
все, что употребимо в жизни нашей,
не может осознать своей цены,

перед которой все и всё равны,—
от малого до самого большого
все обретает бесконечный вес:
и жизнь сама,
и хлеб,
и интерес
к чему-либо, что делаешь с душою,
вниманье женщин,
вера в красоту,
все, что тревожит нас,
все, чем согреты,
вино и даже дым от сигареты,
чью горечь ощущаешь ты во рту...
Вот так непостижима скорость света:
обычное, что окружает нас,
все на поверку—
беспредельность масс.
За это расплатиться невозможно...

— Не дай владеть тобою мысли ложной.
Остановись перед значением слов.
Цены не знает пролитая кровь.
Поэтому сопутствует ей вечность.
Лишь согласишься:
жизнь вообще конечна,—
тобою тут же овладеет страх.
Но вольно или нет —
тебе присуще
все, что ты помнишь, сопрягать с грядущим,
чтоб длиться, изменяясь, и в веках,
как жизни вновь истоком служит жизнь,
как кровь твоя течет в прямых потомках.
И ты, уйдя, услышишь:
«Отзовись!»

Пускай родство теряется в потемках
и прадедов припомнить мудрено.
Но всем живым
движение дано.

И если даже труд твой безымянен,
как холмик на заброшенной поляне, —
в руках других
он обретает высь.
Грядущее нам кажется высоким.
Всем лучшим в нас
мы кровно с ним срослись.
Цена порыва:
это прежде — смысл,
смысл,
длящийся неведомо далеко.

ДОЛГИЙ ДЕНЬ

Июньский день,
он с половодья света
теперь пойдет на убыль, на закат.
Таков закон,
никто не виноват.
День к вечеру —
прими нормально это.

И, холодея, думать не спеши,
что светлый день
и твой во многом прожит.
А если все же мучает, тревожит,
прими — как состояние души.

Ведь и к тебе не мог он не явиться,
день самый долгий,
самый световой.
И важно знать,
что он, как сам ты, твой,
поверить и почувствовать,
что длится.

* * *

Обычна и проста судьба чудес.
Да и знакомы ли они с судьбою?
Окрасил небо пламень —
и исчез.
А небо, как и прежде,
голубое.
Войдет в пределы труд любви земной,
и ею жизнь надежно обогрета.
Но, тенью став,
слоняется за мной
мне данный в первый час избыток света.
Со мной любовь
добра и хороша.
Но выпадает крайняя минута,
и кулаком бессильная душа,
невидима ему, грозит кому-то.
Все, как у всех,
и лучше, чем у всех.
Себя я и не сравниваю с ними...
И чье я только повторяю имя?
Мне грех роптать,
но и смириться грех.
Забыть себя бы
и вздохнуть легко...
Опять луна богиней ночи встала.
До неземной любви мне далеко.
Земной же
для моей гордыни мало.

ПЕРЕЛЕТ ВЛАДИВОСТОК — МОСКВА

Под нами накренился материк,
поднявшись в небеса восточным краем.
Пристегнутые,
мы в полет играем
и глушим боль в ушах,
кто как привык.
Вся впереди гигантская страна.
И странное такое состоянье:
умом ты постигаешь расстоянье,
а вот душа...
Растеряна она.
Как выбраться отсюда,
с края света?
Как это расстоянье перекрыть?..

Вот выровнялась под крылом планета.
Взлетели.
Гаснет надпись «Не курить».
Я закурил.
В душе унялся страх.
Быт начинался на воздушном тракте.
Внизу огни толпятся в городах,
как звезды в центрах небольших галактик.
Меж ними же—подолгу ни огня.
Космическая тьма.
Суровый, дикий,
в таежной первозданности, великий
размах Сибири поглотил меня.

Отторгнутый на время от земли,
перед лицом бескрайнего простора
я слышу:
«Что ты делал на мели
твоих забот и чаяний?
В который
теперь уж раз тебя все тянет вниз?
И за какие прячешься причины?
Что свел в гармошку все свои морщины?
Расправь чело, мужчина,
улыбнись...»

Страна моя,
спасибо за урок,
уму непостижимая громада.
Земля моя,
хоть не даю зарок,
что дальше буду делать все, как надо,
но суть твоя проста и величава
и явлена без всякого труда...
Всю ночь летим.
А слева или справа,
как бакены, пылают города.

НОЧЬ НА БУРОВОЙ

Исрафилу Гусейнову,
буровому мастеру Каспия,
Герою социалистического Труда

Беззвездна ночь,
и с ней наедине
осталась до рассвета буровая.
Лишь за спиной,
за кривизной скрываясь
морскою,
гроздьё Нефтяных Камней
сияют смутным облаком вдали,
каспийскую пустыню украшая.
Огни —
как будто под боком земли
галактика пригрелась небольшая.

Ступившая в район морских глубин
спасибо, богатырша буровая.
С бригадой Исрафил.
Стою один.
Их труден час,
а мой забываем.

Будь славна, ночь
и все твои дела,
ночь, ставшая на уровень событий,
за то, что ощущение мне дала
высокое
и явленное в быте.

Они на вахте.
Сзади, за спиною,
горят созвездья Нефтяных Камней.
А дальше ночь,
нет впереди огней.
И только тот,
на вышке, надо мною.

* * *

Меня ты любишь.
Ты всегда со мной.
И любишь ты меня за путь земной,
обычный,
солнцем не всегда прогретый.
За то, что не в обиде я за это.

Меня ты любишь.
Я тобой открыт.
Все то, с чем прячусь в ненадежный быт,
и то, что суетой по горло сыт,
и слабостей минувших поздний стыд, —
все ведомо тебе,
какой бы вид
ни принимал.
И пусть на этот счет
твой странный взгляд
с моим не совпадет.

Меня ты любишь.
И любить могла б
за то лишь,
что я временами слаб,
за то, что бьюсь в очерченном кругу
И что смириться с этим не могу.
И хоть напрасно,
понимаю сам,
грожу
уста сомкнувшим небесам.
Меня ты любишь.
И крутой порыв,
меня с самим собою примилив,

там, где я сам бы справился с трудом,
смягчаешь ты.
Ты мне — и мир, и дом.

И, сын мгновенья,
чувствую:
всегда
горела в небесах твоя звезда.

* * *

А здесь,
на расстоянье, я спокойней.
И как вокруг тебя,
и здесь весна.
И ты в свой прежний мир погружена,
не машешь даже издали рукой мне.

Не надо чувства сдерживать уздой.
Спокойно мне:
ни скуки, ни веселья.
И крепости узорное гнездо
забытой каменеет колыбелью.

Но я тебя — как странно? — не зову.
Да и зачем?
Мне станет только хуже.
Так дерево, раскрывшее листву,
внезапную переживает стужу.

* * *

Как поздно ночь уходит на покой.
Как тьма звонка от девичьего смеха.
Дома без света—над Москвой-рекой,
куда я по ночным дорогам ехал.

Нет, кое-где огонь в окошках жгут.
А небо по-июльскому бездонно.
И как-то одиноко и бездомно
иду домой я, где меня не ждут.

Стоит в Москве застойная жара.
Сменила день вечерняя прохлада.
Я слышу речь из каждого двора:
побыть сама с собою юность рада.

А может, просто слишком весела?
Уж не сержусь ли я на них?
Едва ли.
Мы прежде тоже, кажется, гуляли,
но речь любовь вполголоса вела.

И что это я вдруг к ним пристаю?
Рассвет мой был тревожащим
и смутным.
Они открыли молодость свою,
как будто, пробудясь,
окошко в утро.

А наш рассвет
и наш был и ничей,
и был предел бездомности превышен
И странен мне с тех пор,
и непривычен
естественный, нормальный ход вещей.
Ну, а сейчас для них я кто такой?
Что ж, кто бы ни был,
я им не помеха.
Как поздно ночь уходит на покой.
Как тьма звонка от девичьего смеха.

* * *

И молодость по-своему права,
когда вступает в спор со стариною.
Она права уж тем,
что не нова
в готовности назвать себя весною.
Пускай свершает свой веселый суд,
пускай опять смеется,
одержима
своим еще бродящим содержимым,
что налито, как в новенький сосуд.
Спешит, легко готовая в полет.
Груз для нее —
не память и не пытка.
Его не разобьет.
так разольет,
еще на вкус не разобрав напитка.

Ведь это надо:
начинать с азов
и от избытка силы веселиться.
И в их толпе,
расслышав отчий зов,
мелькнут сосредоточенные лица.

Пускай пока справляет новоселье.
Еще узнает горький привкус слез,
еще успеет
оробеть пред целью
и «Кто же я?»
задаст себе вопрос.
И будет трудным возведение крова,
и жертва — не одна принесена.
Но все это не так уж и сурово —
была б предназначению верна...

* * *

Старина под Псковом
сказочная, древняя,
жизнь былая — возле нового села.
Снова пашня ждет колосья за деревнею,
что намного старину пережила.

Раскачались три березы в чистых платицах.
И такая развеселая тоска.
А земля за поворотом неба прячется.
Лишь торчит наружу
гребешок леска.

И поныне в ней осталось что-то дикое.
Не расчешет все земные пряди сталь.
Необъятная, зеленая, великая...
Все люблю я,
и со всем расстаться жаль.

Травяная и распаханная—
вот она.
Наш автобус чемоданом тащит тень.
И деревья, как домашние животные,
молчаливо сбились к избам деревень.

Нет, бездомностью я попусту не мучаюсь.
Все мне родина —
и город, и село.
А волнение—
дитя любви и случая —
нежной судорогой душу вновь свело.

* * *

Теперь прощай,
мой временный приют.
Кровать и стол.
Не слишком много света.
В разводах сетка на окно надета,
но комары спать ночью не дают.

Прости,
что расстаюсь с тобой легко.
Не погляди мне вслед с усмешкой строгой.
И знаешь, трудно выходить в дорогу,
когда еще до дома далеко...

И в синеве недвижной тонет взгляд,
и в чей-то быт вторгаешься с разгона.
И время торопясь бежит назад,
как придорожье за окном вагона.

* * *

Что может быть мучительнее, хуже?..
Перед самим собою быть в долгу.
«Не срок», —
как отговорку, на бегу
все повторять всегда одну и ту же.

И обещанья некому вернуть,
и только дальше недовольство множишь,
когда сполна все выполнить не можешь,
но и не хочешь делать как-нибудь.

А потому не любим обещаний.
И рады бы давать от всей души.
Но сам изведаль —
с важными вещами
будь очень осторожен,
не спеши...

За то, что не допью твоей росы я,
всех песен не смогу своих сплести,
прости меня,
прости меня, Россия,
и, вся земля,
прости меня,
прости.

УКАЗАТЕЛЬ НА РОСТОВ

Указатель мелькнул на Ростов,
словно полузабытое чудо,
с козырьком одного из постов
бога твердой дороги — ОРУДа.

И, не чувствуя бьющихся крыл,
сердце взвилось встревоженной птицей.
Здесь Кавказ до холмов снисходил
и к своей приближался границе.

Ты прости меня, друг мой Кавказ.
Этим я ничего не нарушу.
Ведь в других переделках не раз
за тебя я закладывал душу.

Зов из дальних пространств распознав,
в мир, придуманный мною, взлетая,
как с далеких орбит космонавт,
я всю землю своею считаю.

Но места есть,—
слетая с высот,
там в толпе затеряюсь, как в быте,
где душа малым чувствам открыта,
где меня по теченью несет

жизнь, в дороге намыв острова,
незаметные с высей вселенной,
где обычны, как прежде, слова,
где занятия обыкновенны.

Те места, что навек суждены
для листвы, покрывающей ветку,
где в лист памяти занесены
в мир преданий ушедшие предки. .

Скоро мост,
там, за синей чертой,
рядом с солнцем,
на самом закате.
Как магнит, этот мост золотой
повернул на себя указатель.

* * *

Когда закон застолья души
от пут дневных освободит —
и стол взволнованно гудит,
и вечному открыты уши.

Поэт сидит на лучшем месте.
А ниже — сам всеильный бек.
Всяк чувствует: я—человек,
и всех объединяет песня.

— Возвышенная из улад
внимать таким устам, учитель.
Пропойте, просим вас, устад,
и песней душу полечите...

И запоеет он, стол пьяня
и околдовывая пеньем.
Жизнь словно прервала теченье
свое до завтрашнего дня.

И мнится мир далеким, смутным...
Но вот дослушают кошму
и шумно отойдут ко сну,
чтоб завтра встать обычным утром.

И снова как бы крова нет.
Опять он страннику подобен.
Один...
Как будто бы поэт
в обычной жизни не удобен.

И не понятно:
что же было?
И не понятно:
кто там был?
Там жизнь ли гостя проводила?
Ее ль он с миром отпустил?

* * *

Ветер начал свой зимний напев.
Снег улегся на тихую кровлю,
и, еще облететь не успев,
золотые деревья продрогли.

Ничего в моей жизни не жаль:
вся она меня нынче печалит.
Пусть бы груз на душе не лежал
да мороз не стоял за плечами.

Посвети-ка, луна, надо мной.
Только света мне надо немного.
Не нужна мне сегодня дорога,
и куда бы ни шел — все равно.

* * *

Ты не смотри с обидой томной,
ты не печалься обо мне...
Игрой невыдуманной,
темной,
как жизнь сама на глубине,
подхвачены мы были вместе.
Теперь никто не виноват.
Давно отправленные вести,
как новость, не придут назад.

ВЕСНА В ЯНВАРЕ

Тревожит и дивит
капризный дар природы.
Негодный для саней,
чернеет зимний путь.
Гостит у января
весенняя погода,
а тяжести зимы
мне с плеч не отряхнуть.

И солнце в облаках
по-вешнему не слепо.
Весна?
Но ты совсем
беспомощен пред ней.
Январских холодов
смешно просить,
нелепо,
но странный дар тепла
принять еще трудней.

КЛЕН

Поблескивал листьями клейкими
и цепко
сплетением веток,
как будто зеленою клеткою,
ловил разыгравшийся ветер.

А ветер,
устав от игры,
валялся в гнезде зеленом...
Но все-таки лишь до поры
прощал эту силу клену.

И в знойную, душную тишь,
себя распаляя,
он
сорвался с соседних крыш,
сломал задремавший клен.

Но тут же пришла расплата:
и сам он взглянуть не смел,—
зеленый титан висел,
на собственных ветках распятый.

ВЕЧЕР У МОРЯ

Спасибо, море.
Эта тишина
Нежданна так
и так волнует душу.
Не торопясь, вечерняя волна
Касается во тьме подножья суши.

Я в сумерки пришел к тебе опять.
Невидим горизонт за дымкой дальней.
От глаз сокрытый,
Он куда реальней:
плыви к нему —
не станет отступать.

Растягивая редкие огни,
к ногам бежит волна,
за ней — вторая.
Катясь,
волна волну не повторяет,
и все же одинаковы они.

Но что твоя волна?
Благодарю
тебя за то, что ты неповторимо.
На молчаливом, древнем берегу Крыма
я не подвластен вновь календарю.

* * *

За рожденье обычная плата —
жизнь, что выпадет...

Вот и светло...

Я тебя словно видел когда-то,
только этого быть не могло.

Ты любовь?

В человеческом роде
по законам слепой ворожбы
так легенда бессмертная бродит
меж людьми от судьбы до судьбы?

Или, может, сюжетец ходячий
свел с тобой нас под тень своих крыл,
и смеется над этой удачей
тот, кто жажду любви сотворил?

Я уж пожил —
что было, то было.

Ну, а если ты мне на пути
безрассудно себя подарила,
освети мою жизнь, освети!

Может быть,
поднимаясь, прошла ты
перекрестье,
где путь мой покат,
и пылает над миром не сжатый
трактористом усталым закат.

* * *

Я слышал —
ты в дороге тоже.
Ты тоже в дальней стороне.
Мысль эта,
душу растревожив,
все перепутала во мне.

Созвездья на вечернем своде —
во тьме, как будто в неводах.
Где на безбрежном небе всходит
меня зовущая звезда?

Издали б, как ни старалась
страх этот разогнать во мне,
душа примолкла,
растерялась,
с пространствами наедине.

И на земле,
не зная, где ты,
ориентируюсь с трудом.
Блуждаю слепо по планете,
не понимая,
где мой дом.

РАЗГОВОР С ГОСТИНИЧНОЙ КОМНАТОЙ

Я привыкаю слишком скоро
к таким пристанищам, как ты.
Смотри,
легли мои черты,
как в зеркало,
на эти шторы.

Что может быть уединенней
обители в чужом краю?
И прошлое определенной,
и проще видишь жизнь свою.

Когда ни женщины, ни друга
в привычной бытности не ждешь,
все думаешь: за этим кругом
ты что-то новое начнешь.

И время движется скорее,
твоим всецело становясь.
И чувствуешь еще острее
со всем живым
живую связь.

* * *

И снова осень
не спеша,
как нехотя,
взялась за дело.
Заметно небо подурнело,
как будто бы его душа
огорчена какой-то тайной.
И обнаженные сады —
как бы в предчувствии беды,
внезапной,
может быть, случайной.
Какой?
Не все ль равно какой.
Пока не грянет,
важно ль это?
Ты заслоняешься рукой
от тьмы внезапной,
вспышки света.
Ты смертен,
знаешь ты о том,
имеющий на ропот право.
А жизнь мудра и величава.
Она останется потом.
И вроде все наоборот:
в предощущенье с ней разлуки
все понимать —
какие муки;
и жалок тот, кто не поймет...

И что бы ни было со мною,
когда-то живший,
полный сил,
я был любим красой земною
и ей любовью отплатил.

НОЧЬ В МАЛАХОВКЕ

Машинально ловлю я забытые звуки
и не очень растроган,
но мне не до сна.
Вот пролаяла хрипло соседская сука,
и опять обступила меня тишина.

Даже гром самолетный,
от аэропорта
поднимаясь,
скользнет, лишь задев тишину,
на поверхности черной поднимет волну,
а внизу, как была,
тишина распростерта.

Ночи юности дальней,
от вас я отвык.
И судить не берусь,
хорошо или плохо,
что ваш тихий, мечтательный,
добрый язык
для меня все равно что иная эпоха.

Надо спать.
И заснуть я стараюсь покорно.
Но с запретною радостью слушать не прочь, —
с механическим шумом
покинув платформу,
электричка пилою вонзается в ночь.

* * *

Я помню:
мальчишка далекий,
зимы ощутив первый вздох,
казался себе одиноким,
застигнутым словно врасплох.

И то же теперь ощущение:
отвыкнув, не греет пальто,
и так же ты хочешь прощенья
просить неизвестно за что.

Лишь горечи больше
да страха
поменьше, пожалуй, чуть-чуть,
но тот же,
с предчувствием краха, —
зовущий, непройденный путь.

В душе моей ясно и пусто.
Ни радости нет,
ни забот.
И в холоде каждое чувство
как будто отдельно живет.

* * *

Безвременные
ранние потери.
Со сколькими —
теперь навечно врозь.
И появилось чувство:
сиротеем.
И как-то незаметно
прижилось.

Гордись, планета, певчими сынами.
Да будет скор и справедлив твой суд.
Чьи песни тихо бродят рядом с нами,
а где присесть за столик,
не поймут?

И, словно место различив пустое,
они еще жалеют нас всерьез.
Так женщина вздохнет, над кем-то стоя,
и смотрит, не сдержав невольных слез.

И пусть другие проще дружат с ними.
А нам...
Нам не хватает их сейчас.
Они для нас останутся такими,
пока последний не уйдет из нас.

Ну, а пока
не вся избыта сила.
В своем кругу,
печалься и скорбя,
мы памятью
и всем, что с нами было,
их задержали около себя.

Но будет срок,
когда придет их время.
Груз наших чувств падет с раскрытых крыл.
Взлетев,
они смешаются со всеми,
кто пел, поет,
кто жив,
кто ныне жил.

* * *

И странно мне,
что я еще живу,
течет апрель капризною весною,
что неба чернь,
что неба синеву,
меняясь, раскрывает надо мною.
Что вот опять,
застав момент врасплох,
я, как со стороны, себя заметил,
развевая эти собственные нети,
души творенья — одинокий бог.

И все сильна во мне привычка жить,
и я не знаю ничего сильнее.
А жизнь...
Я разговариваю с нею
все об одном и том же:
как мне быть?

Что сделать?
Может, так себя взять в руки,
чтоб вообще не знать,
что я в пути,
и, не заметив бестолковой муки,
мимо себя когда-нибудь пройти:

* * *

Возникшее предчувствие весны,
способное селиться в каждой птахе,
так медленно рассеивает сны
и за ночь накопившиеся страхи.

Свети!
Чтоб все гляделось непохоже.
Высвечивай,
чтоб видеть все могли
и цвет, и выраженье глаз прохожих,
и краски пробудившейся земли.

В душе моей,
по-зимнему одетой
в неведомо где взятое тряпье,
так странно возникает чувство света,
как будто бы оно и не мое.

ГРОЗА

Гроза в апреле.
Первая гроза.
И, словно посвященье принимая
водою и огнем,
в начало мая
природа перешла.
Слепя глаза,
над крышами домов взлетают вспышки.
По улицам не бегают мальчишки—
и холодно, и поздно за окном.
А небо торжествующим огнем
расколото.

В какое-то мгновенье
успеешь разглядеть в квадрат окна:
пугающе,
как в некий день творенья,
и призрачно земля освещена.

И кажется —
не просто непогода,
и никому речам ее не внять.
Громадна,
отчужденна...
Мать-природа,
забытая, загадочная мать.

* * *

Помню я, как в танцующей лодке
казашонок плясал на корме,
он на месте прошелся чечеткой,
словно так обращался ко мне:

«Что, мол, скажешь, приезжий?
Хорош?
А тебя посади в эту лодку —
ты на берег, как пьяный, сойдешь».

Да, мне так не плясать и не петь.
И невольно брала меня зависть.
Мне хотелось его бы глазами
на себя
и на мир поглядеть.
Чтобы место свое отыскать
под его накренившимся небом.
Научиться беспечности мне бы,
чтоб совсем нераздельным с ним стать.

Стать водою, листвою, травой,
жить естественней, проще, иначе.
Не блуждать по упрямой кривой,
где прямою мой путь обозначен.

Ну, а к морю привязан я сам
пусть не очень умелой любовью.
И, как свой, я брожу по лесам
и село понимаю любое.

И проснусь я в росистом стогу,
и прислушаюсь к шепоту поля.
И люблю мою землю до боли,
только слиться с ней так не могу.

* * *

Кому какая выпадет погода...
Не скажем, что иначе жизнь текла:
в потоке жизни столько же тепла,
хоть в разные ее мы входим воды.

И все-таки, взглянув назад,
в былом,
с которым кровно нас связали узы,
опору ищет нынешняя муза,
задумавшись о добром, а не злом.

Мне это внятно явственней тогда,
когда, волнуясь, слушаю я были
из уст людей, заставших те года,
что и друзей, и близких пережили.

И пусть грешит ошибкой глазомера
даль прежних лет, —
я ощущаю вновь:
будь счастлива и бесконечна вера
и в мужество, и в близость, и в любовь.

Она, как жар, и под остывшим слоем.
В своих глубинах мы ее несем.
Она незримо движет всей землею,
присутствуя повсюду и во всем.

ДРУЗЬЯМ-ПОЭТАМ

Друзья мои!
Нам он необходим,
он — плоть от плоти,
нами мир творимый.
Что нас ни ждет —
он будет молодым.
Спасибо вам, что вы неповторимы,
Но непременно
в самый нужный час,
когда отстанет, заплутает кто-то,
когда устанет кто-нибудь из нас,
другой его доделает работу.
Свершим свое,
не пожалев труда...
Когда уйдем,
построив это зданье,
пусть вслед нам долго смотрит,
как всегда,
читатель, приходящий с опозданием.
И вижу я его,
наш общий труд,
чьи башни поднимаются все выше.
Не кончился завод—
часы идут.
И рядом я дыханье ваше слышу.

* * *

Все, что со мной,
поймешь ты без труда.
Все, что я знал,
ты испытала тоже.
И не случайно судьбы так похожи:
нас всех весьма далекая звезда
звала, сияя смутно,
временами,
и со стоянок юности сняла.
Потом все остальное было с нами...

Ты — женщина, и более смела,
и сдержанна,
и на слова скупая;
ступив на борт нестойкой лодки чувств,
ты круто,
безоглядно поступаешь.
И этому я у тебя учусь.
Но, помня прежде пройденный урок,
ты бережней теперь с любовью нашей.
Так первый человек огонь берег,
пролитый кем-то из небесной чаши.

Любимая,
как хочешь,
так и выйдет.
Твой свет горит еще и для того,
чтоб мог я силу ощутить его
и лучше все вокруг себя увидеть.

* * *

Не ошибись,
тот мальчик был не я.
Я только за слова его в ответе.
Я без остатка — весь из бытия.
А он не проходил сквозь двери эти.

И говорил он только о себе,
так беспощадно увлечен собою,
спеша к еще неведомой судьбе.
А я другой — я стал его судьбою.

У нас вначале разошлись пути.
Он был благим,
а я лишь верю в благо.
Он где-то там,
а мне еще идти,
не торопя, не замедляя шага.

Не ошибись,
он не умел понять
любви,
летя как мотылек на пламя.
А я свои места сумел занять
в служении моей прекрасной даме.

Любя, я отдавал все существо.
И много было этого, и мало.
И время на часах не совпадало
на наших с ней...
Но это ничего.

Миры менялись...
Не из суеты
терялся в буднях,
как и остальные.
Но разве можешь сохраниться ты:
минует срок—
вокруг друзья иные.

И трудно перепутать нас двоих.
Он не у дел,
я прожил не напрасно.
Мне время,
как ни вечно, ни бесстрастно,
являло столько разных лиц своих.

Я плоть.
Исчезнув, не вернусь опять.
Не стоит и рассчитывать на это.
А он стоит
и будет так стоять
в лучах послевоенного рассвета.

IV

«ПИСЬМА С ДОРОГИ»

* * *

Стремительно тепло вначале,
и дни апрельские ясны.
Смолкают зимние печали
в веселом гомоне весны.
Сто бесенят ее игривых,
иль как их там ни назови,
развеселясь,
готовят взрывы
в густой и медленной крови.
И все невзгоды ослепило,
теперь-то им не до меня.
Взрывайся, кровь, свети, светило,
взлетевшее на гребень дня.

* * *

Служи отцу и дальше, верность сына.
Зови в дорогу, вечная труба.
Высокое призвание — мужчина.
Суровая ответственность — судьба.
Что б смолоду душа ни прокричала
и как бы ни плутал,
в конце концов,
став старше, возвращаешься к началу —
к испытанному опыту отцов.
Есть истины, и можно лишь забыть их
при свете, в тесноте дневных забот,
но к ним неумолимый ход событий,
как тропка на дорогу, приведет.
Нам песня только кажется бродячей:
на памяти самой земли она,
храня ее извечные задачи,
как будто на гранит нанесена.
Лишь связь времен дарует смертным силу,
лишь с этим каждый прожил, как хотел.
Любое дело продолженьем было
минувших мыслей, чаяний и дел.
Для радости, для слез свои причины
готовит жизнь и сыну моему.
Но главное сведется к одному:
служи отцу и дальше, верность сына.

* * *

Как встарь,
и ныне
каждому по силе
дает земля.
По силе — свой простор.
Бери его...
Я пред тобой, Россия,
в таком долгу!
Но ты не кредитор.

Ты торг великий не заводишь с нами.
В дни мира и в лихие времена
нелегкий жребий выбираем сами.
Все отдаем. И этим ты сильна.

СЛАВЯНСКИЕ КЛЮЧИ

Я стоял у Славянских ключей
под Изборском,
и древнее чудо,
словно в косу, сплеталось в ручей.
Эхо звоном струилось повсюду.

Голосисты, прозрачны, чисты,
с влагой, в меру прохладной и сладкой.
А земля новгородскою кладкой
обнажала на срезе пласты.

Я напился.
Лицо освежил.
И в пронизанных солнцем деревьях
мне почудился предок мой древний,
что когда-то здесь был или жил.

Ратник вольный ли,
властный ли князь,
вот на щит он поставил колено,
воду звонкую пьет, наклонясь,
борода перепуталась с пеной.

Далеко век двадцатый ушел
от былин, от детинцев и ратей
и немало с тех пор приобрел,
и не меньше, быть может, утратил.

Я давно,
словно лучший мой стих,
принимаю, какжданного гостя,
собеседников самых простых
или ту высоту,
где все просто.

Как же нам не стоять здесь вдвоем,
на земле этой выросшим людям,
здесь живем,
женщин тех же мы любим,
все из тех же ключей воду пьем.

Потрепал он за холку коня
и привычно опробовал сбрую...
Бьют ключи —
от него до меня
протянулись прозрачные струи.

УТРО

Утро. На улице никого.
Лижет, прощаясь, луну в затылок
облако... Солнце так застыло,
что можно смотреть на него.
С ночи мороз тишина сторожит,
спрятавшись за угол здания.
Кажется, мир затаил дыхание,
и его не слышно. Поселок спит.
Но вдруг, так, как входят без стука,
будто из-под земли, из-под ног,
вырвался фабричный гудок,
все нагружая протяжным звуком.
И замер... Падают клочья света
на полумесяц дорожной дуги.
Но вот калитка скрипнула где-то,
шаркнули чьи-то шаги.
Снова калитка.
Одна за другой.
Ранние люди улицу будят.
Ветер, еще полусонный, дует,
след заметая под каждой ногой.
И вот, растянувшись на всем расстоянии,
прикрытый тающим облаком пара,
идет поток молодых и старых,
обжигая холод своим дыханием.

* * *

Пока на помощь не приходит страсть,
мы к выраженью чувства не готовы
и на слова скупы,
как будто слово —
стеклянное
и может вдруг упасть.

Так век наш к вычислениям привык,
и так боится сбиться он со счета,
что незаметно изменил в нас что-то
и навязал свой сдержанный язык.

И голос чувств
как бы из-за стены
мне слышен...
На меня ложится грузом:
прочны ли те сердечные союзы,
что в слове не всегда закреплены?
А если позовет любовь сама,
и все скажу я поздно или рано —
решешь ли ты,
что я сошел с ума,
иль, может, просто считаешь пьяным?

ЗАРЯ В ШУВАЛЯНАХ

Рассветало. Четыре часа.
Я проснулся от птичьего грома.
Осадили, как в крепости, дома.
В гуле не различишь голоса.

И откуда вас столько слетелось?
Где же прятались вы до поры?
Что же вашему хору не пелось
в сковородке бакинской жары?

Слышал я, что вы знатно поете,
что созвучны восточной красе.
Разбудите меня, я не против.
В добрый час...
Но не сразу же все.

Я оттуда, где дьявольский шум
даже ночью стоит у постели.
Залетели бы, милые, в ГУМ,
посмотрел бы я, как вы запели.

Сумасшедшие...
Спрятаться где бы?
Кто-то, чтобы скорей рассвело,
в бледноватое зарево неба
вставил певчее это сверло.

* * *

Я вспоминаю:
странным был
тот первый случай в детстве раннем,
когда я время, как дыхание,
растерянный,
остановил.

День нежился на солнцепеке.
Бревенчатой гармонью дом,
к своей тени прижавшись боком,
дремал.
И ни души кругом.

Я помню,
в тот далекий миг
все сразу ощущал я вместе:
шуршанье трав,
случайный крик,
томление нагретой жести...

Мгновение, как перевал,
что рушишь,
что даешь взамен ты?
Себя и позже заставлял
я в эти редкие моменты.

И время замирает вдруг.
Защитные одежды спали
с души...
Окно,
трамвайный круг
и грохот, как из дальней дали.

И все ошибки прощены,
полезность дел в расчет не взята,
и свет,
не повстречав стены,
задев меня,
сквозит куда-то.

Мир, недоступен и велик,
встает,
безмерностью смущая.
Но, как ни странно,
в этот миг
я весь его в себя вмещаю.

* * *

Не колдуй,
не колдуй надо мной
ты своей охраняющей лаской.
Шепот робкий,
как шар надувной,
он забудется
в первой же встряске.

Только ты все шептала свое
и тревогу за лаской скрывала.
Что ж, спасибо, я видел ее.
Для мужчины и это немало.

ВЕЧЕР У МОРЯ

Спасибо, море.
Эта тишина
нежданна так
и так волнует душу.
Не торопясь, вечерняя волна
касается во тьме подножья суши.

Я в сумерки пришел к тебе опять.
Невидим горизонт за дымкой дальней.
От глаз сокрытый,
он куда реальней:
плыви к нему —
не станет отступать.

Растягивая редкие огни,
к ногам бежит волна,
за ней — вторая.
Катясь,
волна волну не повторяет,
и все же одинаковы они.

Но что твоя волна?
Благодарю
тебя за то, что ты неповторимо.
На молчаливом, древнем берегу Крыма
я не подвластен вновь календарю.

* * *

Из чаши города отпей
случайных взглядов откровенность,
невольных,
длящихся мгновенье
и исчезающих в толпе.

И все расскажет женский взгляд —
свет,
вырванный из недр планеты,
и все желания раздеты,
и этот грех невольный свят.

Но не успеешь за мгновеньем,
не надо вздохов и речей.
Взгляд этот слишком откровенен
и смел,
а потому — ничей.

И ты проходишь в том огне,
и проклятом,
и так воспетом.
И горьким, и счастливым светом
все озаряется во мне.

МОСКОВСКАЯ НИМФА

Спешила по площади Пушкина
среди толчеи и моторов,
и волосы были распущены,
как плащ за спиной мушкетера.

Видение нашего времени...
С Арбата?
С Сущевского вала?
Так что же,
бери теперь в плен меня,
раз походя околдовала.

Отбросив, как волосы за спину,
быть может, какое-то дело...
Витрина, глядевшая заспанно,
тебя отразив, просветлела.

Со временем все переменится:
и песни, и нрав, и наряды.
Но властвуй, моя современница,
на муки мои и на радость.

Проплыли века над планетою,
как облаки...
Время упрямо...
А ты — многократно воспетая,
все та же прекрасная дама.

БАНЯ В СОЛОТЧЕ

Веселье душе под Рязанью
не ведаешь, где и найдешь.
В Солотче в отличную баню
однажды загнал меня дождь.

Сюда не доедешь на скором.
Тут сладко, как в пору сохи,
с рассветом отдельно и хором,
проснувшись, поют петухи.

Все рядом тут, все под руками:
и воздух, и лес, и река.
Лежит близ Давыдово камень,
науке неясный пока.

И здесь, возле самой Рязани,
где воздух отменно хорош,
нашел я отличную баню,
какую нигде не найдешь.

При входе колдует старушка,
и руки ее создают
привычно, почти равнодушно
давно позабытый уют.

За малую толику денег
она без особых хлопот
вам выдаст и мыло, и веник,
и молча билет оторвет.

Беспечен ты в маленьком царстве
поющей, звенящей воды.
Отведай тепла, как лекарства,
свободно входи, выходи.

В парной деревянные полки.
В сторонке кирпичная печь.
Жара незлобива, но только
попробуй на верхней прилечь.

А если (задача простая)
подкинешь воды полброска,
то в тот же момент вылетаешь
ты, грешник, как из кипятка.

А станет лениво и томно,
у деда махорки стрельни
и, детство военное вспомнив,
хмельную сигарку сверни.

Езжай под Рязань в эту баню,
где каждому равная честь.
К тому же вернешься с грибами —
в Солотче они еще есть.

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Как пели...
И теперь дивлюсь я.
Как пели женщины всерьез,
как истово,
с какою грустью.
Лишь лица светлые — без слез.

Мужские смолкли разговоры
у недопитого вина...
«Все отдал бы за ласки-взоры,
чтоб ты владела мной одна...»

А рядом,
каждый пьян особо,
и стать у каждого своя,
родные, данные до гроба,
сидели с ними их мужья.

За дверью —
спать не надо благо —
среди игрушек и сладостей
детей довольная ватага
играла весело в гостей.

Все по-хорошему, счастливо.
Раздоры мелкие — не в счет.
Но пели женщины с надрывом,
как будто на сердце печет.

С душою, попросту, без позы,
с суровой бледностью лица...
«Оставь, Мария, эти слезы, —

и проводил меня с крыльца...»

Как будто и хотели только,
чтоб предал вероломный друг,
любви отчаянной и горькой,
всплеснувшихся с мольбою рук.

* * *

Какая ночь к окошкам подошла,
и ясная, и теплая какая.
И темной струйкой в комнату стекает
тьнь тополя.
Знакомая пора.
Уж август тронут легким листопадом.
Лист, как письмо, упал на край стола,
как будто бы ко мне доставлен на дом.
Пускай лежит до самого утра.
Потом прочту.
Давно бы спать пора.
Что только от бессонницы мне надо?
Что толку?
Слишком старая игра...

К чему мне лист читать?
Я знаю сам,
и светлой будет осень, и недолгой,
и я всего не возвращу ей долга,
накопленного мной по мелочам.
И ночи проведу еще без сна я,
и мне, пожалуй, даже повезло,
еще не все со мной произошло,
а что случится, сам потом узнаю.
Мне отведен еще какой-то срок,
и надо бы прожить его получше.
Опять кредит еще один получен,
чтоб, как должник, я впредь казниться
мог...

Давно не ворошил свои года я.
И ныне их тревожить не спешу.
Я, как цыганку, осень расспрошу
и на листе но жилкам погадаю.

* * *

Ты пела, и лились слова
Протяжно и полужнакомо.
Плыла восточная истома,
как все извечное, нова.
— Чье это? — я спросил. —
Просты, свободны звуки, как начало.
— Народное, — мне отвечала,
внезапно улыбнувшись, ты.
И в этом крылось: знай, мол, место.
Народ, не кто-нибудь сложил...
Гюлюм, художник неизвестен —
не означает, что не жил.
И кем-то все сотворено,
пришедшим отлюбить, отплакать.
Лишь это вечное вино
в глазах любимой от аллаха.
Народ... Начало есть всему:
и песне, и мечте, и боли...
Не женщиной рожден я, что ли,
чтоб не принадлежать ему?
Ты клонишь голову свою.
Что говорю, как только смею?..
Иди ко мне,
я петь умею.
Иди, я сам тебе спою.

ДЕВИЧЬЯ БАШНЯ¹

Девичья башня,
бежим темной ночью до света.
Вместе продолжим с тобой
мой оставшийся путь.
Разница в возрасте?..
Ах, Гюзалим, для поэта
даже нормально,
что женщина старше чуть-чуть.

В наше-то время
и статья языческим храмом.
В стены твои пятаками скребется любой.
Ходят и ходят,
царапают «Рафик с Акрамом...».
«Маша плюс Вася»
свою тут скрепили любовь.

Шумно вздыхает:
«Какая великая сила!» —
каждый, кто в стены твои забежал
по пути.
И добавляет, что башня себя окупила:
сколько приходят —
и гривенник каждый плати...

Что мы без женщины?
Листья в открытых просторах...
В век этот пестрый
нужна мне такая, как ты.
Станет мне песня твоя

¹ Памятник азербайджанской архитектуры XII века.

и душой и опорой.
Древняя песня,
нетленной,
иной красоты.

Пусть бережет неусыпно другие палаты
деспот восточный и страж —
твой музейный режим.
Нет у меня за тебя
соответственной платы.
Девичья башня,
ты слышишь, давай убежим.

ЧАЙХАНА

Салам, Баку, салам! Я снова твой.
Храни тебя вечерняя прохлада,
как чайхана с венками винограда
товарищей мне дарит и покой,
и этот чай... Да, что там ни толкуй,
его, с востоком ближе быть стараясь,
не пью я дома, как ни собираюсь:
бакинский чай не пьется без Баку.

Над городом сгустилась тишина.
Он притомился, накричавшись за день.
Беседуем, в глаза друг другу глядя,
и голосов не слышит чайхана.
А где-то мир, серьезный, многолицый,
опять себя пытается открыть.
Здесь от него нельзя совсем укрыться,
и все же можно час-другой побыть.

Со стороны почти и не видна
за тьмой дороги,
словно за оградой,
пьет чай и рассуждает чайхана,
увитая венками винограда.

* * *

Поезд мчится,
и кто-то заводит
в репродукторе песни цыган.
Непонятно —
радист либо пьян,
либо злой человек но природе.

Этот парень расчетливо льстит.
И уж мнится владельцу билета,
что он тоже пустился по свету,
а не просто в купе полуспит.

Слов простых непонятная власть —
и на полке лежишь ты, растерян:
лишь бы песен послушаться всласть
и в звезду путевую поверить.

Слушай, парень, ты сводишь с ума.
Отпусти —
видишь, едем по делу...
Но тоской кочевой смущена,
загрустила душа неумело.

Гаснут окна мелькающих сел,
города пропадают в туманах...
Словно брошен ты на произвол
несмолкающей песни цыгана.

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР

Теперь прощай...
Вот мы и у границы
страны моей любви,
где близок край земли,
которую с тобой вдвоем пересекли
в короткий срок.
Осталось лишь проститься.

Все к лучшему...
Пускай печаль горька,
но времени прошло еще немного,
и поняли бы, как невелика
страна,
где задержались у порога.

Ты мыслями отсюда далеко.
Что видишь?
Кто замешкался у входа
в твой новый день?..
И дышится легко
в прохладном ощущении свободы.

Прощай, моя пригоршня светлых дней,
страна любви, где небо голубое —
невелика,
чтоб оставаться в ней;
достаточно, чтоб унести с собою.

* * *

Сигарета сгорит —
 лягу спать.
Уж не помню, какая по счету.
За окном в темноте благодать.
Летний дождик закончил работу.
Завтра встану —
и — солнце в окне.
Все, как было,
и — новое, вроде.
Утро вечера мудреней.
Пусть приходит оно.
Пусть приходит.

Спи, земля,
нынче ночь за окном.
Ты лети,
позабыв о полете.
Все спокойно,
а с будущим днем
разберемся,
вернувшись к работе.
И уснувшей, и в гомоне дел
я тебя принимаю любую.
Лишь бы я тебе не надоел
со своей постоянной любовью.

* * *

По-осеннему пусто...
И пусть
я, как прежде, живу неумело.
Что ж, моя работающая грусть,
нам пора приниматься за дело.

Все припомнится,
произойдет,
повторится у тихого света,
все, что в вихре утех и забот
унесло миновавшее лето.

Жизнь, трубя свой привычный отбой
и остынув,
не станет пустыней.
Все, что в радости видел,
с тобой
отдаленнее, но ощутимей.

И, свой путь прозревая,
не зря,
забывая житейскую прозу,
над взгрустнувшей песней земля
проливал счастливые слезы.

* * *

Что этим паркам зелень наших сосен?
Там вьюгами леса окружены.
Здесь долгая расположилась осень
грустить до продолжительной весны.

И будет все тянуться, как сегодня,
дни поздним утром пробуя на свет.
Тут осень скоро станет новогодней,
и отлетит кружок на счетах лет.

Ах, осень, осень, время откровений.
Опять я в окружении твоём.
Опять печаль высоких настроений
с тобою оставляет нас вдвоем.

Но как ни отуманен я тобою,
а все же чувства собираю в горсть:
и небо над заливом голубое,
и я, хоть и понятливый, но гость.

Брожу один,
и прошлое незванно —
за мною,
ни о чем не говоря...
И кутается зелень,
как-то странно
остывшая в прохладе декабря.

* * *

Брожу под древнею стеной,
но знаю,
что тебя не встречу,
и негостеприимный вечер
из-за кустов следит за мной.

Кружу,
как будто бы со зла
детинец я беру в осаду,
а Новгородский кремль с досады
во тьме насупил купола.

И, раздирая эту тьму,
как воротник рубахи,
пьяный
во рву выкрикивает рьяно.
Поет ли,
плачет —
не пойму.

Быть может, в древние года
с обиды ли,
с какого горя,
напившись ли, с женой повздоря,
строитель приходил сюда.

Создатель зубчатой стены
или вон той узорной башни,
хмельной,
но уж не бесшабашный,
с сознанием веры и вины.

Припав к крутому склону рва,
он башне рукотворной, важной
с тоской упрямо и бессвязно
во тьме выкрикивал слова.

Тянулся к ней,
но что с того.
Она земной красой стояла,
и было башне дела мало
до забубенных бед его...

Ах, взбалмошная старина,
зачем почудилась некстати?
Резная высится стена,
раз обойду еще —
и хватит.

Но тут броди хоть до зари
и напрягай глаза ли, слух ли...
По всей аллее фонари
шарами от дождя набухли.

* * *

Обнявшись,
словно в танце Хоруми,
печально три грузина пели,
и улица с названьем Руставели
из тьмы бросала карий взгляд на них.

Наверно, эта песня гор древней.
Но странно,
мне была она знакома.
И думал я,
соскучившись по дому,
певцы сказать хотели что-то мне.

Но вот поют другую,
на игру
похожую поют через минуту.
С ней полный рог
на дружеском пиру
обходит круг,
сверкая глазом мутным...

Их радостью пьянила в песне грусть.
Ее я
со своею думой спутал.

НОЧЬ В ЛЕНКОРАНИ

Не печалюсь о близком отъезде.
В переулок сверну наугад.
Что там звезды, собравшись в созвездья,
о земле в небесах говорят?

Затеряюсь в ночной тишине,
в тихой прелести южного сада.
Месяц, словно пастух, на спине
возлежит, распустив свое стадо.

НАТАВАН

В самом людном местечке Баку
вечность в кресло тебя усадила.
А в Агдаме стоит над могилой
только осень.
Твою ли строку,
взвившись, вымолвить ветер не в силах?
И томит его эта строка.
Необъятную тень облака
расстелили на ханских могилах.
Что листва в усыпальнице ханов
под ногами гремит, не пойму?
То и дело с бессмертных платанов
листья падают по одному.

Так в Агдаме.
А здесь,
в центре полдня,
здесь, где валит народ с трех сторон,
я тебя и такую запомнил,
возведенной на каменный трон.
Жизнь, доверившись ритму недели,
заворожена сменой дней.
Ты сидишь, возвышаясь над ней.
А какой ты была в самом деле?

Натаван, поэтесса, сестра,
тяжко ли исполнение роли?
Как непросто служанке добра
понимать его темную волю.
Что же прятал твой царственный взгляд?
Чьи из душ причисляла к счастливым?
Как ты к истине шла наугад,

доверяясь душевным порывам?

Тень улыбки на сжатых губах.
Брови тронуты дерзким изломом.
Только ахнул бы весь Карабах,
заглянув невзначай в этот омут...

Ветер листья, вздохнув, ворошит.
Ржа гнездится в решетке металла.
Ну а здесь жизнь куда-то спешит,
окружив островок пьедестала.

* * *

Исхожена
и все же не допета,
о жизнь,
еще раз вспыхнув на бегу,
дай мне понять,
постигнуть сущность света.
Все остальное я принять смогу.

Пусть остается черновой тетрадкой
мой путь.
Да будут ясны лики книг.
Не жалею, что радость знал я краткой
и что грустить уменя не постиг.

Что дальше ждет меня,
как по приметам
старик погоду,
я могу предречь.
Дай мне сродниться хоть на миг
со светом,
а там —
ни с чем не побоюсь я встреч.

Пусть все не первой памятью,
но помню.
Зарею возродясь во мне самом,
ты чувством света душу мне наполни,
которое нельзя объять умом.

На все я насмотрелся в эти лета.
Невзгоды узнаю по голосам.
Дай мне понять,

измерить легкость света.
Беду я, коль придет, постигну сам.

И те, чья жизнь —
такая, как моя,
при свете света не познав ни разу,
об этом,
словно дивные рассказы,
пусть слушают, дыханье затая.

Исхожена
и все же не допета,
о жизнь,
еще раз вспыхнув на бегу,
дай мне понять,
постигнуть сущность света.
Все остальное я принять смогу.

* * *

Жизнь моя не привыкла к подкраске.
Не дарить мне себя, не винить.
Мне бы только
правдивую сказку
со счастливым концом сочинить.

Ни души не жалея, ни тела,
я за нею еще нахожусь.
Но — такое серьезное дело:
сам в герои ее не гожусь.

И не надо...
Найдутся другие.
А когда не найдутся —
создам.
Тени памяти, мне дорогие,
я ступаю по вашим следам.

Блики памяти,
звездные взоры
глаз,
захваченных чувством врасплох.
Божья искра во тьме разговора.
Чей-то долгий мечтательный вздох.
Колокольчик в серебряном смехе...
Но из тех же глубин,
вот беда,
там и сям возникают помехи.
Что за черт, я не звал вас сюда!

Здесь ночные уроды некстати.
Спесь мужей,
благоглупости жен...
Память, стой!
Я в душе созидатель,
я для лучших движений рожден.

Я штрихи дорогие теряю
и вслепую творю каждый шаг.
Вместе с вами и их я стираю,
не начав моей сказки никак.

Задержитесь в минувшем немного.
Сказка, сказка,
я все об одном...
Но куда в ней я дену дорогу,
что гудит и гудит за окном?

Сдвину волосы всей пятернею.
Взоры, взоры и отсвет лица...
Как навстречу дорогой ночью —
вспышки, вспышки...
И так без конца.

Только память все водит указкой,
только кругом идет голова.
Это жизнь, как упрямая сказка,
на меня предъявляет права.

V
«ГОЛОСА ДОРОГ»

* * *

Баку капризен.
Не поймешь Баку.
С утра он улыбался, тих и светел.
Бесчинствует теперь за стенкой ветер,
влетевший в спящий город на скаку.

Отделены от мира до утра мы.
И в щели неоклеенной двери
струится воздух.
Ветер: «Отопри!», —
ревет во тьме, трясая двойные рамы.

И ладно — небольшой оригинал.
Пусть бы шумел характеру в угоду,
когда бы сам ты не напоминал
вот эту непонятную погоду.

И что-то с ветром нас роднит двоих...
Хоть нехотя — бросаю дни на ветер.
А мир вокруг то пасмурен, то светел.
И дни летят, и кто-то гонит их.

НАД РЕКОЙ КУСАРЧАЙ

Разгулялась река Кусары
посреди разомлевшего лета.
Верно, льется с могучей горы,
если силы хватает на это.

Попадались —
 в камнях не видать —
реки, впавшие в крайнюю старость:
ни желаний, ни сил не осталось.
И попить мне хотелось им дать.

Повстречаемся ли, Кусары?
Я прощаюсь с тобою сегодня.
Вот бы жизнь до последней поры
так текла, становясь полноводней.

Чтоб не списан был за неплатеж,
этот дар не скудеть подари мне.
Разбросав рукава по долине,
нить, сама себе парка, плетешь.

А совсем отрешась от земли,
бросишь берег, и близкий, и дальний,
как виденья твои,
не реальны,
в синем море плывут корабли.

* * *

Мы в ночь выходим.
Провода
над нами небо расчертили.
Висят попарно,
по четыре,
летят неведомо куда.

Влекомый думами о свете,
весь мир зашнуровался наш.
И этот маленький Агдаш
лежит под ними, как под сетью.

Среди неведомых миров,
не зная, что случится с нами,
как сеткою от комаров,
от звезд закрылись проводами.

За тьмою,
прошлым становясь,
остался наш случайный ужин...
Как нитью света путь мой сужен
и как несовершенна связь.

БАКИНСКАЯ СКАЗКА

Чингизу Алиоглы

Мы по Баку бродили,
два бездомных,
и обострялась грусть осенних дней.
Безмолвны стены,
небеса бездонны,
короче дни
и ночи холодней.
И скоро в окна черный ветер с моря,
ворвавшись в город,
станет задувать...

Бездомные идут!
Друг с другом споря,
нас в гости все старались зазывать.

Сажали нас на лучшие места,
остаться на ночь заставляли силой,
как будто бы заблудшая мечта
квартиру их случайно посетила.
И вспоминали:
— Где-то побывала
одна моя знакомая бездомной.
Я тоже бы,
но дети да дела,
и годы вот,
и как-то неудобно...
А так летел бы, как осенний лист...
Куда же вы?
Нет, мы вас не отпустим.
Побудьте, поделитесь вашей грустью.

Не делится с другим лишь эгоист...

Вот это жизнь!

Какие рядом парни!

Мы столько новых завели друзей.

Мы целый месяц были популярны,
хоть экспонатом отправляй в музей.

И шлепали по сонным лужам туфли.

Стояла осень.

Грустно было нам.

И буквы,

что давным-давно потухли,

как будто листья,

падали с реклам.

ЗЕЛЕНый КАБИНЕТ

Фахраддину Алиеву

Беседка с виноградом, абрикос,
бассейн с плетеной каменной оградой.
Резвится возле ног чета стрекоз.
Ну, разве не нежданная награда?

И можно зажигать в беседке свет,
когда доходит дело до заката.
«Ты будешь здесь один, пиши, поэт, —
сказал мне Фахраддин, — прошу, как брата.

И пусть не отвлекут тебя дела.
Внимай своей душе, пекись о теме...»
Уборщица беседку подмела,
как номер в фешенебельном отеле.

Что жизнь свою честить и вкривь, и вкось?
Стройны и круглобоки кипарисы.
Нет яблока,
чуть спелый абрикос
бросай им, наподобие Париса.

Внимай восточной неге,
укрепи
свой дух
и сколь блаженен мир, исчисли...
А ты привычно бродишь на цепи
опять какой-то неотвязной мысли.

Идешь за нею, будто на убой.
И чем же эта участь знаменита?
При столь высоком солнце,
в час зенита,
тень, словно горб, плетется за тобой.

Тебя ли успокоит этот сад?
Ты отраженьем лишь пугаешь воду.
Все тот же варвар, как века назад,
построивший по всей земле заводы...
Да я не против. Это все — мой путь.
Что без толку опять гонять по свету?
В свидетели беру я небо это:
под ним и я сумею отдохнуть.

Показывай, Восток, мне рай земной.
Бери в полон пленительная сказка.
Но только вот какая неувязка:
в бассейне нет красавиц,
ни одной.

ВОСПОМИНАНИЕ О НЕФТЯНЫХ КАМНЯХ

Исрафилу Гусейнову

1

Когда последний раз по Нефтяным Камням
бродил, чего-то не хватало.

Со дня приезда,
с самого начала...

Поселок тот же,
синева над ним,
припудренная легкой летней дымкой.

Но что-то рядом —
вроде, невидимка.

Смотрю вокруг — заметить не могу.

Я нахожусь в знакомом мне кругу
домов на сваях.

Чайхана, розарий,
на месте магазина и киоск,
на месте солнце, желтое, как воск.

Но что с ним рядом было?

Мне сказали:

— А вышка, помнишь?

Правда, где она?

Ее по фото знала вся страна.

Она венчала самый вид поселка.

Еще одна из первых,
старожил.

Вот отчего я меж домами столько,
не понимая почему, кружил.

Я слышал, что один смельчак с нее

в пучину прыгал в фильме у Кармена.
Как телевизионная антенна
стояла, в небо врезав острие...
Так человек,
чьи добрые дела
нам служат,
как само собою данный,
порой, невидим.
Но уйдет —
нежданно
постигнешь, как утрата тяжела.

Иду на край поселка.
Там она
лежит, головой доставшая до дна,
отброшенная на полсотню метров
неистовым, осатаневшим ветром.
Гладь моря мерно дышит,
а над ней —
квадраты металлических ступеней.
И волны серебрятся в мирной пене,
и камни различаются на дне.
Рожденная отвагою, она,
дерзаний повидавшая немало,
суровому призванию верна,
жизнь провела среди бурь
и в бурю пала.
Вода в июньский день голубовата,
чиста, прохладна, несмотря на зной.
И море к вышке ластится волной,
как будто бы ни в чем не виновато.

2

Там трудности понятны и просты.
Они, просты, как волны.
Эстакады . —
стальные бесконечные мосты —
бегут:
все море замостить им надо.
Там в трудности дрязг и изъяна нет.
Она сурова, как простые лица.
Там трудность привлекательна, как свет,
зовущий перелетных птиц спуститься
на остров рукотворный...

3

Стальное основанье, как дозорный.
Громадина стоит совсем одна.
Час с лишним хода до Камней.
До дна —
сто метров.
Звезд рассыпанные зерна
метет волна.
Громадина,
она
в кругу стихии держится неплохо.
Удержится ли, хоть крепка на вид?
Прикидывая, местный люд острит:
раз на нее пошел работать Лёха,
он хитрый,
основанье устоит.

Запуталась в стальных ногах волна.
На небе тучи склевывают зерна...

А где-то там,
и это не зазорно,
не здесь, где будет метров сто до дна,
заранее пожившись немного,
там в воду, чтобы знать, как холодна,
жизнь осторожно опускает ногу.

4

Песок, как глина, темен.
Нефть, мазут...
И долго громыхает эстакада,
когда по ней над морем груз везут.
Железный гул станков —
наплывы, спады.
В песке детали
или просто лом.
И бочка, поржавевшая, пустая.
А рядом море рвется напролом,
в разведку ветер конницей пуская.
Но в сумерках издалека взгляни:
как зарево,
как облако.
Огни на вышках
собираются в созвездья.
Скопление звезд,
галактика на вид...
Таким ты это видишь при отъезде.
И в памяти все это так стоит.

САЗ

Саз.
Горластый пришелец.
Изделье из пьяного тута.
Крутобедер и темен,
Как ветхозаветный божок.
Что тебе этот мир?
Что тебе все мои институты?
Так бы взял тебя в руки
И пальцы о струны обжег.

Ты и просишься в руки.
Ты создан для этих объятий,
Ты таким сотворен,
Чтоб лежать у меня на руках.
Только столько ты видел
С тобой разгулявшихся братий,
Оставаясь таким же,
Как был и в минувших веках.

Может, вправду, ты бог.
И под музыку эту танцуя,
Доверяемся струнам и пению,
Словно судьбе.
Всем своим существом,
Безоглядно,
А, в сущности, всеу,
Потому, если вдуматься,
Что этот танец тебе?

Только вспыхнет душа,
Отзовется послушное тело.
Кто ни шел на твой зов.
Да и я устоять не могу.
Поколенья менялись.
Руками всплеснув неумело,
Затерялся и я
В этом древнем и вечном кругу.

И конечно, ты бог.
Ты для музыки создан,
Ты словно
И не видишь меня,
И не слышишь.
Да что говорить?
Я ищу, я страдаю,
И проклят я жаждой любовной...
А тебе эти муки мои
Так легко повторить.

Под гортанную песню ашуга
Желанье любое
Открывается мне,
Словно это — со мной, наяву.
Ах ты, древний божок.
Ничего не случится с тобою,
Даже если сейчас
Твои струны в сердцах я порву.

Поднимаемся мы,
Снова в круг вызывая друг друга.
Распалась душа,
Хоть и сазом мне быть не дано!
Как живое живого,
Я вижу и слышу ашуга.
Я бы струны порвал,
Да ашуга обидеть грешно.

* * *

У эпиков все просто...
Шахнаме.
Возвышенное бытие примера
под древней Троей
или на корме
ведомого рукой богов Гомера.

А как,
когда лишь сам ты свой герой
и память — относительное благо,
когда в тебе живет и тот, второй,
кто первому не даст ступить и шага.

В тебе дурная связь добра и зла —
не бой,
а затянувшаяся ссора,
и жизнь твоя,
что сквозь тебя текла —
вот вся твоя надежда и опора.

Прижатый этой истиной к стене,
клянешь ты, пусть несправедливо, стены.
Что мне сказать такое обо мне,
чтоб всем, кто есть вокруг, повысить цену?

Ведь эта тяга к вечности права.
Невольно,
но встает, как по тревоге,
и человек,
и песня,
и трава,
расставившая стрелы вдоль дороги.

И ропщут в каждой жизни даже дни,
той жизни,
 что собою быть стремится,
и каждая,
 какую ни возьми,
не хочет быть зачеркнутой страница.

И жаждет воплотиться жизнь в слова,
и крепнет в вечность слов святая вера,
и каждый миг
 ждет своего Гомера,
и все имеет на него права.

* * *

Опасная печаль — хочу домой.
Желание, пришедшее так скоро,
что для себя в нем не найду опоры,
но этот путь как будто стал не мой.
Опасная печаль — хочу домой.
И ощущение это непонятно:
зачем я, лишь уехав, рвусь обратно?
И речь воспринимаю, как немой.
Моя душа висит пустой сумой
и лишь мешает,
хоть она и плечи
не тяготит,
внимая чьей-то речи.

Ах, ей бы помолчать сейчас самой.
Что дальше?
Это чувство незнакомо:
отсюда я далек
или от дома?
Откуда же мне дальше по прямой?
Опасная печаль — хочу домой.
Я вновь попал в невидимые сети.
И сеть моя — весь этот шар земной.
И все мое толпится лишь за мной,
как будто потеряется при свете...
Я что-то вновь печальней, чем оно
для жизни этой мне необходимо.
И ест глаза от света, как от дыма.
Не слишком ли мне все не все равно?
Не чересчур ли я люблю все это?
Не слишком ли не требую ответа
я на любовь,

как бы не заодно
со всем, что я, уйдя из дома, вижу?
И мир все дальше, чем к нему я ближе.
Будь славен он, мир этот кровный мой!
И только я —
ничто не виновато,
что в этом мире не узнал я брата...
Опасная печаль — хочу домой.

* * *

Вдали огни.
Скопление огней.
Прижаты тьмой небес к земному лону.
Там жизнь идет.
Не думаю о ней.
Я, не отдав прощального поклона,
Ушел оттуда.
Здесь же тишина.
И россыпь городских огней видна.
Свет ровный,
Немерцающий такой.
Подобье электрического рая.
Как будто бы и там царит покой.
И я стою, со стороны взирая.
Со стороны...
Но только вот какой?

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Опять зима.
А с ней у нас не шутят.
Ворчит под каблуками тонкий лед.
С самих небес
на снежном парашюте
сюда меня доставил самолет.

Зима, зима!
Ты мой холодный друг.
Я снова прилетел из дали дальней,
где, проводив меня, совсем недавно,
багаж с теплом собрал мне щедро юг.

Надолго хватит?
Кто же даст ответ?
До завтра, на неделю или месяц?
Не жалуюсь,
привык я.
Нет так нет.
Душа продрогла —
значит, все на месте.

И хватит мне вопросы задавать,
как будто за меня ответит кто-то.
Я с отчим домом стану зимовать.
У нас зимою — самая работа.

Рассвет прорежет небо, словно нож.
Короткий день проглянет полуоком.
И долго будет литься свет из окон
в мою от снега сказочную ночь.

ЧЕЛОВЕК И ФЕЯ

Давным-давно влюбился смертный в фею.

А фея,
кто их знает почему,
как смертная, ответила ему.
Не спрашивай,
не станет тот умнее,
кто побужденья женщины поймет.
Она ему ответила —
и вот:

как будто в забытьи, дней потекла череда.
Пустынный остров мир воздвиг вокруг их постели.
И, заглядевшись,
в сад упала к ним звезда,
где птицы в темноте невидимые пели.

Не вечна ночь,
не вечна и весна.
Амур задел вновь тетиву тугую,
и смертный пробудился, как от сна,
когда влюбился в женщину другую.

И чувства в нем опять зажглись, как в первый
раз.
И птицы, возмужав,
так пели оголтело.
И месяц в вышине
качнулся и погас,
как будто бы мешать им небо не хотело.

И все-таки судьба их развела.
Неважно, кто был этому виною.
Все ж осень для него приберегла
еще любовь,
чтоб не порвать с весною.

И снова мир для них оставил островок.
И звезды, замерев, на них с небес смотрели.
Он новую любовь особенно берег.
А птичий гром гремел —
ведь им не жалко трелей.

Когда он умирал,
пришла к нему .
из дальних дней с прощальным словом фея,
пред тем, как отойти ему во тьму,
напомнив, что когда-то был он с нею:
Не думаешь ли ты, что женщин знал? Одна
к тебе являлась я,
лишь облики меняя.
Я остаюсь,
а ты жизнь исчерпал до дна...
Из певчих птиц и звезд над ней кружилась стая.

VI
ТАРУССКИЕ И МАНСУРОВСКИЕ
СТРАНИЧКИ

* * *

Алексею Сипаткину,
художнику и сахалинцу

То ли спор, то ли близко к тому...
Заискрила местами беседа—
То в Сибирь тычет, то в Колыму...
И сосед возражает соседу:

— Что вершки, ты — туда, где исток!
— Все, коль всмотришься опытным оком,
Относительно. Владивосток
Не считаем мы Дальним Востоком.

— Как проснешься, зима на дворе...
— Что до Владивостока,— туда мы
В отпуск ездим. Живем же — в дыре,
Да такой, что не скажешь при даме.

...Как хотите, но спор ваш прерву.
Тундры, айсберги — все разговоры.
Что там тундры, в Москве я живу.
Как вам это? И кончились споры.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Сергей Есенин, в город Вас дорога,
Чтоб вспоминать деревню, увела.
А я — в село. Зачем? К какому богу?
Ведь не просить прощенья у села?

Я думаю и нахожу не сразу
Ответ, зачем несу я этот крест.
...Порой мешает всякая зараза
И истин прописных, и общих мест.

Не потому лишь, что здесь небо выше,
И встретится такое не везде,
А звездный ковш висит над самой крышей,
Как будто бы повешен на гвозде.

Не только я — отыщутся иные,
Ведь образ у читающих в цене.
И горожанам облики земные
Среди их зданий дороги вдвойне.

Другие тоже — я за них ручаюсь...
Мне позволяет уезжать мой труд.
Я этим лишь от них и отличаюсь:
Он там, где я. А я прижился тут.

И городу поступок мой — не мщенье.
Да мало ли, что в жизни надоест.
Кого-то гонит ведь не пресыщенье,
А то, чего он, кто-то, не доест.

Тут тоже раздаются те же споры
И тянутся, пусть не в таком дыму,
И время пролетает так же скоро.
Однако, здесь быть проще одному.

Стремилась мы туда, где многолюдней,
Но стал свой срок и для иных утех.
От ближних устаю я до полудня.
И хочется послать подальше всех.

Но вышло так, что сам себя подале,
Куда не полагал, услал от них.
Жму — на своих заброшенных педалях—
Неделями, порой без выходных.

А рядом слышно — то развод, то свадьба.
То свет куда-то падает, то тень.
В пяти верстах центральная усадьба,
Повыпившая жизнь из деревень

Окрестных. Им дана судьба иная—
Здесь к ним совсем утрачен интерес.
Я даже никого не обвиняю,
Я понимаю — так велит прогресс.

Центральная... Знакомимся и с нею.
Не спится ей от городских огней.
Здесь все, как город. Только пьянь виднее.
Но что с того, в деревне все видней.

Вот, может быть, поэтому, быть может...
Опять одной подхвачен из морок.
Но как ни подходи, год жизни прожит,
И как бы дальше жить даю зарок.

И странно, деревеньки, что забыты,
Своими же в недавних, но годах,
Чьи окна накрест досками забиты,
С волнением открыты в городах.

И вот, как будто чтоб срастить волокна
Живой и позаброшенной земли,
Отбили перекрещенные окна
И доски порыжевшие сожгли.

Не схожие совсем друг с другом лица
Текут сюда — пожить, попировать
И к маленькой деревне приобщиться,
Чтоб с той, центральной, связи не порвать.

Святое место не бывает пусто.
У самой позаброшенной, пустой,
Под видом одиночки златоуста
Я тоже попросился на постой.

Какая позвала меня охота?
Какое наваждение? Маята?
Забытое, неведомое что-то
Открыть хочу? Но, видно, не спроста.

И прежние владельцы к пепелищу,
В избу пустую, в сырость, неуют
Приедут вдруг, как за духовной пищей,
Поплачут да частушки попоют.

Все выпадает кстати и некстати,
И сходятся несхожие пути.
Едино все — приобретать, утратить,
Все дорого — за все собой плати.

Вы — в город, я — из города. Немного
Разницы. И всмотришься... Куда б
Ни ездил ты, — все русская дорога.
Чем больше ездим, больше и ухаб.

Сергей Есенин, в город Вас дорога,
Чтоб вспоминать деревню, увела.
А я — в село. Зачем? К какому богу?
Ведь не просить прощенья у села?

Мансурово 1980

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕГЕНДА

Ах, тетка, тетка, выдумать такое, —
Как говорят на стрельбах, — недолет.
Оставила бы город ты в покое.
Чего тебе он чай-пить не дает?

Давай-ка расскажу тебе в науку
Одну из современнейших легенд.
Есть где-то город, и — такая штука —
В том городе живет интеллигент.

Он там, — тебе я, тетка, врать не буду, —
Порою в несусветной толчее
Среди машин, троллейбусов и люда
Живет, как будто рыба в чешуе.

Не бездорожье, но в такие дали
Его с утра асфальтовый ремень
Все шлет и шлет. Недавно подсчитали —
Сто восемьдесят километров в день.

Безрезультатно, но и не напрасно
Ругает вечный двигатель — тщету.
Воспоминанья о поре прекрасной
И будущей есть на его счету.

Он не освободился от привычки
Ждать некую вселенскую зарю.
А сам все ищет по карманам спички,
Про очереди и не говорю.

Полезные, как в яблоке железо,
И в слабости до самых слез нежны.
Есть в них нужда. Нужны, как до зарезу,
А сверх того, хоть выбрось, не нужны.

Потом дойдет, пожалуй, до момента —
Как в прятки будет ребяшня играть,
Считаясь: «Кто пойдет в интеллигенты?»
И кто-нибудь заплачет: «Мне опять!»

И все равно — тот путь, что прежде начат,
И длится все, и одухотворен,
Есть он, интеллигент, то будет, значит,
Грядущее — его опора он.

И как бы от судьбы он ни зависел, —
Пытатель вечный, вечный ученик, —
Закон больших неумолимых чисел
Его на это, не спросясь, подвиг.

Он даже выпивает временами —
Интеллигент. Подумаешь, изъян!
И у него (но только между нами)
Дед из рабочих, бабка — из крестьян.

Смеешься? Смейся, смейся! Это — дело.
Раз сладили — тогда вопрос решен.
Спасибо. что понять меня сумела.
Отходчива ты, вот что хорошо.

1983

ВОЗНЕСЕНСКИЙ АВТОБУС

Побросает автобус мое к Вам послушное тело.
То откинет назад... Это свойство дорог на Руси.
Он идет в Вознесенье. Какое автобусу дело,
Что все время вращается плавно Земля на оси?

Я ведь сам к Вам подсел. Отчего же тогда так
нелепо
Ощущаю себя и, зайдясь, говорю не о том?
Не на блеск ли зовущих глазенок бросаешься
слепо?
Не успев и одуматься, а размышляешь потом.

Только кто Вы такая, со мною сидящая рядом?
Не откажешь во внешности. Определенно —
мила.
Горожанка, как глянуть, и обликом Вы, и
нарядом.
Если б в городе встретил, не знал бы, что Вы из
села.

Правда, связь есть одна, заставлявшая часто
дивиться.
Все, как будто, на месте. И все-таки — что за
изъян?
Чем заметнее выглядят, как горожанки, девицы,
Тем обильнее к лету поля покрывает бурьян.

Но зачем я об этом? Куда потянуло, однако.
Вам про все интересно, Вам все о себе говори.
Коготков любопытство, блестящих от красного
лака.

Вам не жалко вонзить в меня и посмотреть, что
внутри.

Сторониться такого имею я все основанья.
Эта тяга к вопросам, слетающим с аленьких уст,
Вариант продолжения общего образования,
Словно в детском саду воспитание маленьких
чувств.

Умудренная дева — продукт инженерной эпохи.
Потребитель ее всех доступных плодов во плоти.
Ни село и ни город. Послушаешь щебет дурехи,
И душевную скукой по счету за все заплати.

Эх, как снова подбросили русские наши ухабы!
Отслужил я свое вашим милым талантам сполна.
Деревенская муза, а попросту — русская баба,
Извините, конечно, как воздух, при жизни нужна.

Чтоб кипела от жалости кровь в ней всегда
молодая.
Чтобы цельность души окрутила нас с нею в
одно.
Чтобы взор отзывался, раздумьям моим
сострадавая.
А каким, — бог ты мой, — неужели же — не все
равно?

РУССКИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ

Посвящается Арсению Александровичу
Тарковскому

Что значит — нас сменят другие?
Что смерть, если жизнь нам дана?
Минувших времен имена,
Влечет к вам меня ностальгия.

Слова, что скажу я, — тряпье.
Но чувствую, рядом вы. То есть
Мне светит бессмертная совесть.
И живы вы в свете ее.

Россия — тесак да струна.
Да пыль под Владимирской лентой.
Ни Ноев ковчег, ни страна.
Подвижники, интеллигенты!

Незримо стоите за мной.
О сколько присутствия духа!
Во тьме долетает до слуха
Строка чистоты неземной.

Как орден пришельцев во тьму
От некого дивного света.
Вы честно служили ему,
Его выполняя заветы.

Я сын вам, что рос без отца.
И только прекраснык сказы
Мне пелись о вас. Но творца
Творимый не видел ни разу.

Горел он в случайном огне,
Что греет в дороге бродягу.
Да что говорить обо мне?
Не стоит тревожить бумагу.

На холод вам тоже везло.
Беда по Руси бродит ходко.
Но совесть, как будто чахотка,
Всегда просветляла чело.

Никто вас не звал, не просил,
Но золото черпала драга.
И сколько бурлило в вас сил
На чистом стремлении к благу.

Минувших времен имена,
Влечет к вам меня ностальгия.
Что значит — нас сменят другие?
Что смерть, если жизнь нам дана?

23-24 июня 1980 г.

* * *

Как изнежена зелень густая.
Капли вишен поверх головы.
Только странно внизу не хватает
нашей мягкой веселой травы.

Деды ставили камень на камень
не в библейское время,
но все ж
в их крови растворенная память
сохранила древнейший чертеж.

И во внуках, не видимый сразу
этот дедовский дух не зачах:
польхает горелка для газа
во дворе,
словно древний очаг.

Что же, я не пройду стороною,
что стою здесь с волнением своим?
Где б ни встретились со стариною,
как пред собственным прошлым,
стоим.

Я смотрю на огонь, как на чудо,
словно голос услышал земли,
грустно думая,
кто мы,
откуда,
и зачем ненадолго пришли?

* * *

Дни пасмурны были.
Под горку
вновь лето шло осень встречать
Взялись мы с тобой за уборку,
чтоб холода не замечать.
Полы натирали до блеска,
чтоб множили солнечный луч,
и радужные занавески
напротив повесили туч.
Идем,
погуляем по воле.
Войдем в этот мир синевы.
Костры золотых колоколен
горят над холмами Москвы.

И станут светлее заботы
и дни, что в дождях пронеслись,
жизнь наша и наша работа.
Ведь есть непреложный в них смысл.

А это дается не на день.
Все будет.
Еще поживем.
И снова мир, как ни громаден,
потонет во взгляде твоём.

* * *

Я по движенью губ ловлю слова.
Вы мне мою несдержанность простите.
Как наклонилась ваша голова,
так откровенно волосы рассыпав.
И что бы вы ни думали сейчас,
в словах постигнуть чувства не умея,
они куда красноречивей вас,
свободнее, призывнее, прямее.

Ваш лейтенант и строен, и высок.
Сидит спиною с видом забияки.
Светлеет свежевыбритый висок.
Спина напряжена, как для атаки.
Что вы сказали, встав из-за стола,
вполне его волнение понимая?..
И пел оркестр,
и жизнь свое брала.
Брала, вид лейтенанта принимая.
Что слышал он?
Что ревность ни к чему?
Был лейтенант.
Вы из моих идиллий,
с моих небес,
в простую жизнь сводили
меня,
чтоб я завидовал ему.

КАЛЕНДАРЬ

Опять пора менять календари
с пометками
и чистыми листами.
Нетрудно книжки поменять местами.
Минуты две —
и в новую смотри.
Но перед тем, как выбросить совсем
потрепанную памятку бывшего,
я полистаю —
есть ли в ней хоть слово?
Минувший год она дышала чем?
Слова, заметки...
Что же я пишу
неряшливо, поспешно и неполно,
беспечному под стать карандашу?..
Врешь, календарь!
Я много больше помню.
И бог с ним,
с откидным календарем.
На что он мне теперь, закрытый, сдался?
Мой каждый день был чем-то одарен!
и озарен!
И свет во мне остался...
Все это так.
Но что ни говори,
опять пора менять календари.

ПОЭЗИЯ

Она войдет
 и незаметно
сначала просто будит
мысль —
в душе движением ответным
колокола отозвались.
И ты, еще не понимая
ее такой знакомый зов,
как будто издали внимаешь,
молчишь,
прислушаться готов,
И волнам света повинуюсь,
все позабыв, как скверный
сон,
ты, кажется, в страну иную
волнением перенесен.
Отсюда громких слов значенье,
 трезвон бокалов, звук струны,
мои заботы, огорченья —
все смотрится со стороны.
Всему, что видишь,
 связь нарушив,
по произволу своему
ты властен дать вторую душу
и вечность даровать ему.
И ноги отряхнув от дряни,
встаю я,
 праведный и злой,
и солнце на втором дыханье,
как утром, всходит
 над землей.

И наступает та минута,
где грусть прозрачна и легка,
где снова, нужная кому-то,
готова в странствие строка.

1958

МОРЕ НОЧЬЮ

Каспийских вышек ровные огни
Расставлены в оправе южной ночи.
И дальние во тьме удалены,
и к близким расстоянье не короче.
Как древний грек, ты веришь:
с давних лет
твердь неба шапкой на море надета.
С той разницей, что дальше целый свет,
а не конец, как полагали, света.
И слишком уж несообразный страх
меня тревожит ощущеньем глупым,
что не прорвать мне неба черный
купол в открытый мир, оставленный вчера.
За куполом Баку скрывает мгла.
И там, вдали, за морем, за горами
июльская Россия пролегла
зелеными, росистыми холмами.
Там ставит жизнь очередной вопрос.
Там женщина, быть может, дни считает,
и дум моих, что я сюда увез,
мне кажется, там очень не хватает
— О ночь!
От глаз простора не таи.
Хотя б луну зажги во тьме послушной.
Но волны, словно помыслы мои,
покачивает море равнодушно.
Под эстакадой, будто нефть черны,
изгибы волн поблескивают скупо.
Огни далеких вышек нефтяных
поддерживают неба черный купол.

VII

***ИЗ ЗЕЛЕННОЙ, ИЗ «АБСТРАКТНОЙ», ИЗ
ДЕРЕВЕНСКИХ ТЕТРАДЕЙ***

* * *

В восемь окон глазастая хата...
Обживаю и не обживу.
Ночью бодрствует, днем глуховата.
Диковата, как сон наяву.
Я ее перекрасил, оклеил,
как невесту ее приодел...
Что ж ты, хата? Гляди веселее.
У тебя ни заботы, ни дел.
Днем-то что, но в ненастные ночи
не уснешь, даже сильно устав.
Ветер в стены гремит что есть мочи ...
И скрипит ее каждый сустав.
Тьма вокруг —
не пойдешь на попятный.
Одинокий, забытый, чужой,
ощутимую и непонятной
от всего отделённый -межой.
Каждый звук —
не зловещий ли признак?
Дождь прошел бы, звучала б вода.
Так и ждешь, что появится призрак,
перемятый пиджак, борода...
Эта тяжесть крестьянского взгляда
из-под темных лохматых бровей:
чадо города, что тебе надо,
что здесь возишься, как муравей?
Ах, старик, скорый гнев — к непогоде.
Что ты судишь меня без суда ?
Ведь не клад зарывал в огороде,
чтоб ночами являться сюда.
Что так тяжело глядишь, бородатый,
словно видишь такое впервой?

Я ведь связан с землей был когда-то,
я ведь твой, я ведь твой,
я ведь твой...

Показалось, привиделось...

Слышу:

опьянев,

откровенен и зол,

ветер брошенной хате под крышу

лезет, словно мужлан, под подол.

ПЕРЕД СНЕГОМ

Тропа приморожена
словно звериная шкура,
 к студеной земле.

Просветлевшие травы мертвы.

Под утренним солнцем
они расстилаются хмуро.

Торчат, как придется,
пучки пересохшей травы. .

Звериная шкура свисает
клочками с оврага,
тверда, заскорузла.

До снега часы сочтены.

К задам огородов —
бояться им некого благо —
картошку докапывать
вышли зазря кабаны.

— Ты что ль, Валентин!

Шум я слышу,
вдруг кто незнакомый!

— Я доски колол, тетка Надя,
студено в дому...

— Приехал...

А то мы остались в деревне
два дома.

— Два дома. Ну, значит, и мне быть здесь
не одному.

Ушла,
я — один.

И земля вновь застуженным
зверем

открылась.
На ней, словно клочья,
валялась трава.
Один? А земля!
С ней мы врозь?
А давай-ка проверим:
ее пожалей, и — ответит,
найти бы слова.

Земля, мы одни,
снег укроет тебя скоро шубой,
и ты отоспишься до лучшей.
зеленой поры.

Что делать, разъехались люди,
и — любо, не любо —
останешься здесь зимовать.
Опустели дворы.
Что надо земле?
Дать приют, быть полезной
живому.

Я сам мертвечины ни в ком
и нигде не терплю.
Ну что, одичала так?
Сердишься?

Видишь, я дома.
Не много, конечно,
но все-таки печь затеплю.
Что, мало, тебе?
Ну чего ты ворчишь, как старуха?
Любителей сельских красот
разогнали дожди.
Конечно, безлюдно.
конечно, пустынно и глухо.
Конечно, тоска...

Скоро выпадет снег, подожди.
Хоть дым из трубы—
бесприютности и не завеса,
но пусть покудрявится,
пусть поживет старичок.
Рогатины высоковольтной
торчат из-за леса,
а счетчик на стенке
трещит, как домашний
сверчок.

ЖИТЕЛЯМ ГОРОДКА ЭНСК

Про местных слышу: не добры.
Такое замечанье не из лестных.
Но почему?
С той, говорят, поры ...
Купечество —
оно в крови у местных.
Торговый город.
Матушка Ока.
Она хоть с любопытством,
 без угрозы
глядит бабищей, взявшись
 под бока.
Не назовешь такую мирной
 позой.
И ощущаешь некий спертый —
 дух.
Бесстрастный лик
 с подвернутой губою
как будто говорит:
одно из двух —
здесь или свой ты,
или — бог с тобою.
Да полноте, мне скажут,
что за бред.
С чего ты взял.
Иное время ныне.
Купцов давным-давно в помине
 нет.
Да, многого, скажу я,
 нет в помине.
Мне возразят: —
писатели сюда

паломниками ездили не сдуру,
иные огибая города.
Энск с давних пор
вошел в литературу.
Писатели?
Да полно, помолчи.
Проездом ручку городку
пожали.

К купцам они, пожалуй
приезжали,
писатели,
понятно, на харчи.
А дух какой!
Какая сторона!
Стоячая, овражная, лесная...
Вот именно овражная она.
Сам тоже русский,
русского - то знаю.
Вот вам образчик
городских старшин.
Он — вещь в себе,
с ним — бейся, как о стену.
Набычится мгновенно, теткин
сын,
заговори-ка с ним
про перемены.
Сам может изливаться
без конца.
Но вслушайтесь —
речь ничего не значит.
И хочется подумать —
сын купца,
из бесталанных,

тот, что спьяну зачат.
Здесь многим
гордость местная любя.
Запрятанная,
со следами ссадин,
обидчива, —
глядит из-подо лба:
кто перед ней:
Энсянин. не энсянин?
Вот занесла нелегкая куда.
Вот так, мои энсяне дорогие.
Отрадно, что в России есть
другие,
душевней,
городки и города.

БАЛЛАДА О ПРОДАВЩИЦЕ КЕРОСИНА

Как не броситься сразу к окну,
Если слышатся звуки мотора.
Тут же выйду и воздух глотну
Этой осени,
Поздней, матерой.

Кто подъехал?
Гляжу — бензовоз.
В ноябре?
Есть чему удивиться.
Стар от стекол он и до колес.
Из кабины выходит девица.
Повязала по-бабьи платок.
Керосину возьмете?
С охотой.

Постояла.
— Воды бы глоток.
В горле сухо,
Устала я что-то.
— Чаю выпьешь?
— Не-е, мне бы воды.

В это время выходит из дома
Сельский доктор,
Мой новый знакомый:
— Чай пусть пьет.
Не дошло б до беды.
Дни холодные нынче стоят.
Только руки отмоешь.
— Будешь, если тебе говорят...—

Он общаться умел с этим людом.

— Звать-то как?

— А зачем? Не скажу.

— И не надо.

— Ведь Маша, я знаю.

Мой-ка руки.

Вот девка дурная.

— Очень холодно.

— Не простужу.

Он заставил девицу раз пять

Вымыть руки.

Зайдясь в этой роли,

Взбунтовалась:

— Понравилось что ли.

Хватит.

Можешь меня хоть распять.

Как отрезала.

Тоже есть нрав.

В дом вошли.

Я ей — чаю скорее.

Пьет, ладонями чашку обняв,

Чашкой руки застывшие грея.

Руки в ссадинах.

— Что не следишь?

— А зачем? Мне не надо.

— Дуреха.

Разве руки красивые плохо?

Ты ведь женщина.

Что так гядишь?

— Правда, дура.
И муж так зовет,
Если что приготовлю я худо.
— Не о том я.
Пусть тешит живот...
Руки женщины разве не чудо.
Все твое при тебе,
Погляди,
Хоть куда.
Молода да красива.

У нее, как волна, по груди
Вздых прошел.
Девка, правда, на диво.
Улыбнулась,
Глазенки блестят.
— Хороша?
Кто оценит?
Не вы ли?
Нам сейчас бы по сто пятьдесят,
Вот тогда бы и поговорили.

1982 дер. Мансурово — Таруса.

* * *

Звезда моя,
прости меня, прости.
Непрочен быт, неверен и порыв.
Звезда моя,
ты светишь мне в пути,
а я плутаю, о тебе забыв.
Быть может, оттого, что много туч,
быть может, мне дневной мешает свет...
Не в сердце ли кольнул меня твой луч?
Вернулся б я,
да где отыщешь след?
Дай мне хлебнуть
от суеты земной.
Тот самогон,
и всех он, и ничей.
Вся жизнь моя,
она стоит за мной,
и все мое в ней
вплоть до мелочей.
Здесь есть сердца, что, как мое, стучат,
хоть ясными бывают не всегда.
Не светел рай, не слишком темен ад,
и жизнь сама ведет кого куда.

Моя звезда,
иначе б я не смог.
И быть другим не зарекаюсь впредь.
Задрезжав, опять зовет звонок,
чтоб, нечто совершив,
потом жалеть...
Ты есть, я знаю.
И когда-нибудь

во мне проступит каждая черта.
И, успокоясь,
станет звездным путь,
и будет совесть пред тобой чиста.

...И НЕТ ПОСЛЕДНЕГО ПРИЧАЛА

Печаль дорог не разбирает...
Я понимаю, что не легче,
упав, не добредя до рая,
знать, будто там все раны лечат.

И тут уж обрастешь щетиной,
и с белым светом перессорясь,
вздохнешь о малости песчинок
в огромном человечесьем море.

Но в этом море ходят люди
на малых, на великих ботах,
они, что дорого им, любят
и без конца живут работой.

Заменят трос, коль перетерт он.
Как слепок силы — их усталость.
Хоть к слову и помянут черта,
но и чертям от них досталось.

Корма их суден вечно в пене,
и нет последнего причала.
В них осыпаются мгновенья
и пробуждаются начала.
Лишь дальше отступает темень.
Лишь путь великий больше ярк.
Напрягшись, в них свернулось
время пружиною земного шара.

И кровная, не наносная
строка в истории народной —
кто с ними. И твое, ты знаешь,
там место есть. Оно свободно.

* * *

Зимой приходит ночь скорее.
Всесильно солнце.
Зол мороз.
И кисти тонкие берез
для песен
стылый воздух греют.

* * *

О время, не оставь в тени,
где боли застоялся градус,
и если не подаришь радость,
великой мукой осени.

* * *

Порой мы дорогую цену платим
за жажду ото всех плодов вкусить.
А их потом не выбросишь, как платье.
Хоть горек плод — его в себе носить.
Но все равно не то, в чем нет печали,
а то, что доставалось нам с трудом,
перекроив в счастливые детали,
мы шлем туда, куда еще придем.

КОЛОДЦЫ

Меня в который раз спросили:
— Вам двадцать восемь тридцать два...
Но что вы принесли России?
Какие вы зажгли слова?
В ваш срок израненная дума
ложилась в пушкинский мотив;
и Лермонтов упал под дулом,
Машук руками обхватив;
и Маяковский над толпою
полотнищем поднял перо;
стучалась в пролетарский поезд
печаль есенинских берез...

И надо что-нибудь ответить,
хоть в шутку.
— Копим про запас,
мол, держим кое-что в секрете,
мол, погодите, не сейчас...

Что спрашивать «когда», «когда».
Пути идущих непохожи.
И так на памяти года
проходят, как мороз по коже.
Для нас торжественен салют.
Но радость-то не в рост с великой.
Покоя раны не дают,
но боль-то не растёт до крика.
Вы слышите, мы не стоим.
Нас лишь бы до конца хватило.
Как быть нам со своею силой?
Как быть с бессилием своим?
Мы и бессильны не спроста,

своим открытиям не веря...
Но наши в Будущем места
вчерашним циркулем не смеришь.
Пусть жаждою опалены,
но сердцем знаем: сын напьется
живой воды из тех колодцев,
что без конца копали мы.

* * *

Был даже утомителен немного
твой бурный и отходчивый восторг.
Порывистость всегда идет не в ногу,
когда она подвижна, как листок.

Ты и сейчас еще не разучилась
и плакать, и смеяться просто так.
И над тобой еще имеет силу
какой-нибудь волнующий пустяк.

Но можно уловить и перемену,
когда ты призадумалась вдруг.
Боишься быть с собою откровенной?
Сомнений страшно? Будущих разлук?

Притихла, как прислушалась тревожно,
готовая к известиям любим...
Мир в ярких красках полюбить несложно.
Его ты многотрудным полюби.

Да, правда, правда, нет в душе таможен,
чтоб пропускать лишь радостную весть.
Она легко ранима и не может
не заболеть, когда причина есть.

* * *

Я ждал тебя. Ты не пришла.
Не знаю, что тебе мешало,
и что сама с собой решала,
какие ты мосты сожгла.

Нам всем приятна новизна.
И, может, от волненья рдея,
тебя заезжий нумизмат
смутил навязчивой идеей.

А, может, от широт души,
готовясь к каламбуру сутки,
пленитель местный рассмешил
тебя в пути банальной шуткой.

Сгущается ночная мгла.
Дождь тупо по асфальту долбит.
Я бы не знал, прождав так долго,
что делать, если б ты пришла.

Спасибо, что напрасно ждал
(хоть радоваться и вне правил),
что я в себе тебя оставил
такой, какую сам создал.

Пусть горькая, но благодать —
опять впишу в свои я святцы:
чтоб стала ближе — отстраняться
и в грех неведения впадать.

ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ

В нашем доме все мои соседи,
да и не соседи — встречный всяк
каждому, кто вдруг ко мне приедет,
объяснят, где я живу и как.

Вызовутся дружно, чуть не в драку,
гостя провести по этажу,
сообщат, что в яблоках собаку
регулярно до ветру вожу.

Ну а я тому, кто к ним приедет,
не отвечу, где живут и как
самые ближайшие соседи,
оттого, что нет у них собак.

* * *

День холоден с утра и ясен.
И расставляешь по местам
все то, что накануне сам
преувеличить был согласен.

Стою. Деревья отчужденно
роняют листья в стороне.
Ни пробудившийся, ни сонный...
И в подступившей тишине
так пусто и спокойно мне.

И верно, ощущая тоже,
что он сейчас ничто, никто,
неразговорчивый прохожий
уходит, запахнув пальто.

Все блекло зелен лишь в листве
глазок орудовского знака.
Катается моя собака
в последней негустой траве...

И опечалюсь, не спеша,
к зиме готовится душа.

* * *

С. Наровчатову

Словно нет и песен.
Есть взамен шансонье.
И каждый интересен.
Носят семиструнный инструмент,
но им тоже не хватает песен.

Словно нет и песен...
Я к тому,
что поем, с души застешки скинув,
в синем подспиртованном дыму
не свое,
а, скажем, «Бригантину».

Равных нет таким, чтоб «Степь да степь...»,
по-цыгански нет во всю разгульных,
не гудит в них, как при Стеньке, цепь,
покриков не слышно караульных...

В основном с гитарой соловьи,
не скучны и до нельзя заняты,
и грустят, и радуются знатно.
Все они приятели мои.

Но когда взволнуемся всерьез,
вместе с ними сходимся на старом.
Не хватает их репертуара,
чтоб на все дыхание, до слез.

Но ведь есть сейчас о чем и петь
и о чем задуматься, конечно...
Очень как-то жить привык я внешне.
Надо б иначе... Да как суметь.

МОРЕ НОЧЬЮ

Каспийских вышек ровные огни
расставлены в оправе южной ночи.
И дальние во тьме удалены,
и к близким —
расстоянье не короче.

Как древний грек,
ты веришь: с первых лет
твердь неба шапкой на море надета.
С той разницей,
что дальше целый свет,
а не конец, как полагали, света.

И слишком уж несообразный страх
меня тревожит ощущеньем глупым,
что не прорвать мне неба черный купол
в открытый мир, оставленный вчера.

За куполом Баку скрывает мгла.
А там, вдали, за морем, за горами
июльская Россия пролегла
зелеными, росистыми холмами

Там ставит жизнь очередной вопрос.
Там женщина, быть может, дни считает,
и дум моих, что я сюда увез,
мне кажется, там очень не хватает...

О ночь! От глаз простора не таи.
Хотя б луну зажги во тьме послушной...
Но волны, словно помыслы мои,
покачивает море простодушно.

Под эстакадой, будто нефть, темны,
изгибы волн поблескивают скупю.
Огни далеких вышек нефтяных
поддерживают неба черный купол.

* * *

Кольцо с прохладными лучами
на Тушино Москва-река
надела... Я рожден случайно
здесь дочерью сибиряка.

Район земли не самый лучший —
но вся страна была в пути...
Сюда же после тридцати
меня опять забросил случай.

Вот, кажется, замкнулся круг,
раз я нашел свое начало.
И возвращенье означало:
поэстранствовал — и хватит, друг

* * *

Ночь все короче. Не привыкну к свету.
Проснешься, а на улице светло,
хоть и опять дорожки замело
и зеленью деревья не согреты.

Возникшее предчувствие весны,
способное селиться в каждой птахе,
так медленно рассеивает сны
и за ночь накопившиеся страхи.

Свети! Чтоб все гляделось непохоже.
Высвечивай, чтоб видеть все могли
и цвет, и выраженье глаз прохожих,
и краски пробудившейся земли.

В душе моей, по-зимнему одетой,
в неведомо где взятое тряпье,
так странно возникает чувство света,
как будто бы оно и не мое.

* * *

Есть ли вода в реке?
Есть.
Но кто ходит по воду?
Есть под солнцем земля?
Есть.
Но кто ходит с посохом?
Есть стоянки в пути?
Есть.
Но кто не оставил их.

* * *

Мне так близка судьба твоя.
В ней радость с болью жить привыкла.
Растет в нас сердце, не таясь,
гудит набатней каждый выхлоп.

Конечно, легче ходит тот,
кто со смышленностью медведя,
скажи— любые дуги гнет,
куда ведут, туда и едет.

По жесткой прихоти судьбы,
как в позднем холоде растенье,
к теплу тянулся ты растерянно
или вздымался на дыбы.

И быстро старились слова,
как мудростью себя ни пичкал.
Любого бы расцеловал,
кто душу осветил хоть спичкой.

Твой дед в буденновских полках
с клинком скакал прикончить муку.
Так отчего теперь тоска
порой охватывает внука?

Да, мне близка судьба твоя —
в ней радость с болью жить привыкли.
Растет в нас сердце, не таясь,
гудит набатней каждый выхлоп.

* * *

Если уж в землю слягут,
мертвые срама не имут.
Мертвые глаз не поднимут,
чтоб встретиться с вашим взглядом.
Выронив сердце, пали:
то ли камнями побиты,
то ли державный палец
тычется в них сердито.
Горестно шапки снимем
тяжкой утраты ради.
Снимем, но кто был с ними?
Кто же тогда был рядом...

Мертвые глаз не поднимут,
чтоб встретиться с вашим взглядом.

* * *

Вчерашней горечью испытанным
нетрудно справиться с собой.
Она притихнет, но не спит она,
забыться не дает, как боль.

И часто слышится проторенность
еще в преддверьи новых встреч.
Есть в сердце отзвуки, которые
подолгу незачем беречь.

Но вдруг внезапностью открытия,
смутившей мерность ремесла,
в мой мир, где каждый луч — событие,
нежданною любовь пришла.

Ее, устав по будням гнев нести
и памяти бесплодный груз,
опутанная в повседневности
ждала несдавшаяся грусть.

Но верить часто ли отважишься
в благую неизвестность дней.
Всегда дорога ровной кажется,
пока не едем мы по ней.

А сердце бьет: не надо этого,
не слушай, что там шепчет боль.
Есть солнце на небе, и свет его
пылает и для нас с тобой.

Обласканная робость женщины
сродни пугливости зарниц.
Пусть полночь до изнеможения
наслушается песен птиц.

* * *

Как незаметно сходит снег с земли,
хоть у тепла короткая расправа.
Там половодье светится вдали,
а здесь былые обнажились травы.

Снега вокруг лежат, как острова,
и молча тают незаметно глазу,
хоть и иная истина права:
назавтра все исчезнут, словно сразу...

И что за блажь, однако, эта грусть:
отыскивать себя во всем, что зримо.
Снега уходят, видите ли. Пусть,
не очень-то и жаловал ты зимы.

Чего б тебе не перестроить взгляд?
Весна иная и— иные вести.
В своих зеленых платицах до пят
вон елочки, как вечные невесты.

Гляди иначе. Это не беда,
что ты один и далеко от дома.
Влюбись, мой друг, заговорят тогда
и чувства совершенно по- иному.

Весна...Весна — она одна на всех.
Что новой песни о любви не сложишь?
Не любит...А это, правда, грех,
который сам простить себе не можешь.

ПОЛЯРНЫЙ КРУГ

Спасибо, Север, за твое добро.
А я, признаюсь, ехал с неохотой.
Что мне твои застывшие красоты,
глухих снегов живое серебро?
Они меня не очень-то влекли.
Иные мне предписаны походы.
Ведь это, как в нелетную погоду,
быть одному среди чужой земли.
Что мне в твоей завьюженной красе?
Что Север перекормленному Югом?
Что я оставил за Полярным кругом?
Мне б отлежаться в средней полосе.

А вышло так, что мы с тобой сродни.
Ты любишь дом и помнишь дух бродячий,
ты также знаешь цену неудачам,
но за тобой не вяжутся они.
Ты тверже знаешь то, что жизнь одна,
но потому и смотришь веселее.
Все, что ни выпадает, пьешь до дна.
Все, что ни оставляешь, — не жалеешь.
И общая судьба — одна на всех,
и дружбы не приглушат расстоянья,
и празднично гремит застольный смех,
дрожь вызывая в северных сияньях.

Я рад, что повидаться довелось.
Пусть пляшет новогодней елкой вьюга.
Ведь за Полярным, за таежным кругом
берет начало и земная ось.

* * *

Прощай, прощай, меня принявший кров,
поселок, ставший лишь полужнакомым,
и серый цвет прилудных облаков,
глаза прикрывший небу голубому.

И кажется, не зря сплетаясь в нить,
дни потекут легко и бестолково.
Над поездом счастливою подковой
взметнулся мост. Мне скоро выходить.

И будет силу набирать весна,
и, следуя грядущему желанью,
заранее душа обнажена,
как от произнесенного признанья.

* * *

Возвышенное бытие примера
под древней Троей или на корме
ведомого рукой богов Гомера.

А как, когда лишь сам ты свой герой
и память — относительное благо,
когда в тебе живет и тот, второй,
кто первому не даст ступить и шага.

В тебе дурная связь добра и зла —
не бой, а затянувшаяся ссора,
а жизнь твоя, что сквозь тебя текла —
вот вся твоя надежда и опора.

Прижатый этой истиной к стене,
клянешь ты, пусть несправедливо, стены.
Что мне сказать такое обо мне,
чтоб всем, кто есть вокруг, повысить цену?

Ведь эта тяга к вечности права.
Невольно, но встает, как по тревоге,
и человек, и песня, и трава,
расставившая стрелы вдоль дороги.

И ропщут в каждой жизни даже дни,
той жизни, что собою быть стремится,
и каждая, какую ни возьми,
не хочет быть зачеркнутой страница.

И жаждет воплотиться жизнь в слова,
и крепнет в вечность слов святая вера,
и каждый миг ждет своего Гомера,
и все имеет на него права.

* * *

Кипарисы растут напоказ.
Слишком вид их открыточно книжен.
Словно кто-то отдал им приказ,
и зеленый огонь неподвижен.
Он стоит на прямом фитиле,
необщителен и аккуратен,
на июльской, на пыльной земле
господин в строгом фраке без пятен.

Но лишь ветку его отогни —
и найдешь запустенья картину:
сколько завали, сучья, как пни,
шишки старые да паутина.
А ведь как безмятежен на вид,
как подчеркнуто сдержан со всеми...
Он под этою маской хранит
все, что выносил, долгое время.

Я ведь тоже — уж кем ни слыву,
новый день отворив наудачу,
все, что думаю, все, чем живу,
за дежурной улыбкою прячу.

Но порой опалит меня грусть,
и тогда я почти без причины
все же выплеснусь, все же взорвусь,
душу шапкою на землю кину.

Хорошо, если это стихи.
Но подчас средь случайных содружеств
просто так, по призыву стихий
небеса над собою раскружишь...

* * *

Как хочется песню
сложить о верности,
Верности ласки,
Верности друга!
Чтобы взгляд по мне
Не скользнул поверхностно,
Чтобы тайных обид
Не запрячивать в угол.

Знать,
Что ходит беда
Перекрестными тропами,
И смеяться беде
В ее злое лицо.
Без почтения,
Дерзко
Выслушивать проповедь,
мол, испытанных куриц
Не учит яйцо.

Трудно мыслей таскать
развороченный ворох,
для приличия скомкав
его на виду,
и физически чувствовать
деланность споров,
что базаром опять
над столом заведут.

А когда соберешься
налет полулжи
соскоблить,
искушая тревожную радость,
как мне хочется близость
почувствовать рядом...
как мне надо о верности
песню сложить.

* * *

И вместе одиноки мы,
пусть нет ни ссоры, ни разлада,
мы, как осенняя прохлада
на самых подступах зимы.

Смирился б,
да не все равно.
Ведь осень-то еще в расцвете,
и царственны минуты эти,
что проплывают за окном.

И там нарядная листва
румянцем тронула березку...
Но осыпаются слова
с минут размеренно и жестко.

4-5 октября
1969 г.

* * *

И станут заурядными слова,
вчерашнего лишившиеся жара.
С утра зарядит дождик,
и, пожалуй,
заноет, как с похмелья, голова.

Но, что б ни думал,
что б ни говорил,
неделю позатворничав,
я скоро
опять вернусь к замысловатым спорам,
по-прежнему расплескивая пыл.

Так некий муж, доживший до седин,
берет реторты,
подавляя ропот,
и делает за опытами опыт,
где истинный из тысячи один.

10 окт. 1969

ТРИПТИХ

1

И снова ночь мои глаза смежит.
День пролетел.
Его как бы проспали
под скрежеты и бормотанье стали
ржавеющей.
Тьма на снегу лежит.

2

Что было днем?
День пролетел в труде.
И это, разумеется, — удача.
Труднее провести его иначе,
не зная, как,
не разбирая, где.

А что же ночь?
Погрузимся во тьму.
На радужные сны надежды мало.
Дурные?
Только их недоставало—
проснуться ночью, как попасть в тюрьму.

3.

Прими меня, успокоенье сна.
В пространствах ночи светлая полоска:
пригрезится вдруг некая жена,

нежнее сна,
податливее воска.

А это значит — скоро мне вставать.
Увы, сны пробуждением чреваты.
И высветит помятую кровать
день, словно вспышка фотоаппарата.

2 марта 1980

ЗИМНИЕ МОТИВЫ

В остуду мартовскую,
Где лишь,
Озлясь, гудит на сто ладов
Мороз стареющий,
Не веришь,
Что можно быть без холодов.

Все непонятно,
Как же так:
Тяжелое пальто снимаешь,
Свободный чувствуешь пиджак?..
Умом еще и понимаешь —
Представить не дано никак.

И все ж со временем
Во мне
Предметно возникает вера,
Что, как ни царствует сверх меры,
Мороз,
Не вечно быть зиме.

Пускай она грозит кому-то.
Весна ей отпоет грачом.
И в эти редкие минуты
Мне даже холод нипочем.

Зима от злости в белых пятнах,
Но с неизбежностью весны
Ее угрозы мне смешны
И жажда властвовать понятна.

* * *

Если слышать доводится где-то:
— Жил поэт.
Было трудно ему...

Что уж там,
не жалеете поэта!
Дело доброе, но — ни к чему.

— Берегите во имя потомков... —
И взволнована искренне речь.
Это верно, конечно,
но только
разве можно его уберечь?

Он живет по особым законам
и во всем подчиняется им,
по традиции — слишком знакомым,
и еще — всякий раз по своим.

Облегчи эту тяжесть метаний,
увеличь его жизненный срок,
отними у поэта скитанья...
Нет, иначе бы жить он не смог.

И когда непредвиденный случай
все бы в жизни его изменил,
кто сказал вам,
что жил бы он лучше?
Да, он так же б, наверное, жил.

В устремленьях не ведая края,
зов услышав пути своего,
он свободно судьбу выбирает,
а судьба выбирает его.

И никто ему выбрать не волен
ни любви, ни скитаний его.
Стоит только родиться в нем боли —
и нельзя изменить ничего.

Так и будет метаться он, мучась,
попадая из света во тьму...
Хорошо бы смягчить его участь,
только как же поможешь ему?

* * *

Заговорила печь —
Душе спокойней.
Ей надобно и то, и то тепло.
А время незаметней потекло.
Ритм жизни
Прописал режим такой мне:
Сидеть у старой, в трещинах, печи,
как будто у разбитого корыта,
но бутерброды, а не калачи,
кладет на стол:
смесь городского быта
с подобьем сельским.
Что ж, да будет так.
Душа во мне,
как мирная картина
в старинной раме.
Все во мне едино.
Спокоен жест
И не убыстрен шаг.
И чтобы был покой в душе упрочен,
Я все это на память записал...
Но что такое?
Где-то между строчек
Неугомонный чертик заплясал.
Зачем он привязался к человеку?
А этот чертик:
— Не сбежишь, дружок.
Шалишь,
Ты моему владыке — веку,
Что ни скули,
А заплати должок.
Ты хочешь жить в деревне, как украдкой,

Сидеть
Гонять в пакетиках чай.
Ты выскочить из нашей толчеи
Решил, наверно, как морковь из грядки.
Не хочешь слышать, как талдычим мы
Одно и то же,
Теми же словами.
Ах, эти мне скорбящие умы.
Не соберешь —
Гоняй потом за вами.
Не хочешь раздражаться,
Закипать,
Пред глупостью толкаться бестолково.
Ну что тебе уж сделали такого?
Живут другие люди.
Что опять?
Не хочешь жажды думать о высоком
И расточать себя по мелочам?
Не хочешь просыпаться по ночам,
Коль что не так увидел ненароком?
Как будто можно,
Пряча вздох в груди,
Средь этих толп,
Где лица, лица, лица...
Особою какой-то единицей
Себя не ощущать?
Ну, рассуди.
Как будто можно —
Это, братец, спесь, —
Со всеми вместе стоя на вокзале,
Где поезда желаний опоздали,
Еще их нет,
сказать: а я — то здесь
зачем торчу?

Ответь.

Да, не хочу.
Спокоен лес,
Всходить готово поле.
И я при них.
Платить за это что ли
Безвестностью, судьбой?..
Я заплачу.
Да, мне осточертела толчея,
Подхваченная видимостью дела.
И ты один в ней,
И она ничья.
И нервы натянулись до предела.
Достаточно с меня ее урока.
Я здесь таких речей не потерплю...
Ну, ладно, понял...
Подожди до срока.
Ты не мешай, я печь сейчас топлю.

* * *

Живой поэт
для жизни неудобен.
Встречаясь с ним, всегда мы польщены,
И благодарны, и поражены...
Но срок прошел —
Он словно лишний в доме.
Придет, всплеснется, как весенний гром,
И каждого волнение охватит...
Но от души наслушались —
И хватит,
Теперь к грядущей жизни перейдем.

А в дне текущем так заведено:
Быть вечно пылким неразумно, вроде.
Поклонники опомнились давно,
А он, неугомонный,
все на взводе.
То скажет вдруг о чем-то невпопад,
То замолчит надолго и некстати,
Одно и то же говорят подряд
Раз десять...
Пепел падает на скатерть...
Мол, странен этот образ жизни наш,
К привычному пристрастие тупое...
Не опоздайте,
Жизнь готовит поезд,
Себя не позабудьте, как багаж...
И сердится порой излишне зло...

Он принятый
И признанный почти,
Сопровождаем знаками вниманья,
В просторном коридоре пониманья
Идет один.
...Совсем один
и должен был идти.

VIII
ИЗ РАННИХ И РАЗНЫХ ТЕТРАДЕЙ

ЗАБЫТЫЕ ЗВУКИ

Я обрел позабытые звуки,
Отступившие вдаль, за леса.
Неожиданны, сладки до муки
Недоступные нам голоса.

Как вода отзовется в колодце,
Как горласто пустое ведро,
Как дрова могут звонко колотиться,
Обнажая на сколе нутро.

А поленья — подобие клавиш,
Свой у каждого нор и тон.
Лейся, музыка —
Что только славишь?
Не понять — то ли явь, то ли сон.

Колдовство безыскусного дара,
Раздавайся, живи, говори.
Заиграет труба самовара
В прославление вечерней зари.

Сколько русских поэтов внимало
Этой музыке чистой, как свет,
Просто так...
И ни много, ни мало,
Да не менее тысячи лет...

Кто-то, пусть, не познав этой муки, —
Может, даже ему повезло, —
Любит индустриальные звуки
Электрички, спешащей в село...

Я как будто разъят на два мира,
И в каком не живу, не пойму.
Научиться наивная лира
До седин не смогла ничему.

И куда мы сознанием ни метим,
Уготована нам благодать:
Разрываться меж тем и меж этим,
И согласья, увы, не видать.

Я и сам не пойму, что со мною,
И насколько, увлекшись, я прав?
Вскрикнет птица,
И вслед — за спиною
Тишина недокошенных трав.

Причащаться ли выпали сроки?
Ведь не просто же «власть старины»...
Жаль, что мне, прочитав эти строки,
Не поверит, считай, полстраны.

Половиною темною, светлой
Буду понят?
Ответ непростой.
Да и важно ли?
Лучшей ли, нет ли —
Я писал и для той, и для этой.

ЗВОННИЦЫ

Николаю Глазкову

Ах, звонницы,
Свое вы отзвонили.
И мне ли вас за это укорять.
Умели вы еще до дальней пыли,
Заколоколя, звать на гостя рать.

Я ненадолго.
Коротка стоянка.
В холодноватом номере вдвоем
Вино с чудесным именем «Славянка»
За вас единодушно разопьем.

Ну а затем уж выпьем за такое,
Чтоб вольно Русь сегодняшнюю петь,
Чтоб души поднимали мы строкою,
Как ратников встревоженная медь.

* * *

Знать бы, что ждет...
Нет, не меня, а их.
Иные солнца зреют у заката.
Мы их родили...
И теперь куда-то
Отпустим в свой черед детей своих,
Наполненных сжигающим огнем...
Из будущего не придет ответа.
Когда без них нет в этом мире света,
Какую тьму мы освещать их шлем?

ЗАТМЕНИЕ ЛУНЫ

Пристроившись в тишине
За дымчатым покрывалом,
Луна, как и впору луне,
Задумчиво в небе сияла.

Внизу
В засыпавшей реке
Плескалась луна другая.
И ветер,
кусты пугая,
играл,
зарываясь в песке.

Тучи,
уставши за день,
над лесом провисли низко...
Тихонько
к светлому диску
подкралась черная тень.

Еще не поняв беды,
Как путник,
Брошенный другом,
Взглянув на поверхность воды,
Луна озарилась испугом.

А тень все ползла и ползла
Бедую непоправимой.
Раскрылась бездонная мгла...
... С прозрачным колечком дыма.

А я все смотрю туда,
в себя приходя не сразу...
Глядит на меня звезда,
Мигая единственным глазом.

1958

* * *

Давно беды я не припоминал...
А смолоду любой укол этапен:
Я искренне за раны принимал
Порезы
Чуть значительней царапин.

Но кровь сочится и из мелких ран,
И странно ли,
что мальчик наготове
Кричать при виде даже струйки крови,
Предчувствуя,
что отвернется кран.

И кровь лилась.
А я привык с годами
не замечать.
Я силы напрягал.
Я ссорился с людьми и городами —
Неспрятанною кровью их пугал.

А что бояться?
Тоже мне гроза...
Сознание туманит боль тупая —
Дома смыкают шторами глаза
И в сторону пугливо отступают.

1966

* * *

Лед тронулся...
Когда?
Не так давно.
По времени, конечно, не эпоха...

А тронулся ли лед?
И вот, что плохо:
Мне это стало как-то все равно...

Еще вчера
И против, и за нас
Певцы и лиры голоса срывали,
И раковин эстрадных резонанс
Их разносил по городам и далям.
Подмостки жадно тискала толпа,
Ораторствуя топотом и свистом.
Казалось, вал так яростно,
так неистов, что
просто
мысль
в сравненьи с ним слепа.
Но на эстрадах опустели доски,
И в остывавших чашах площадей
Пузырились чуть слышно отголоски
Недавно грохотавших здесь идей.
Похмелья ахиллесова пята —
И вольно быть нам
молодой вдовою:
под вечер бурно радость испытать,
а утром встать с больною головою.
И как ни рассуждай,

Итог печален.
И чем вчерашний вечер заключать?
Ведь оттого, наверное, кричали,
Что больше не могли не закричать.
Горячности вчерашней не виню.
Почин,
ведь он любому делу нужен.
Но выходя вперед,
Как на войну,
Мишень ты,
Если вышел безоружен.
И выкрик —
не целительный экстракт,
не болеутоляющее даже...

И уши оттопыренных эстрад
Прислушались:
А что - то дальше скажем.

ЛИСТКИ ПЕРВОЙ ОСЕНИ

Первая запись

Минуту назад
Здесь была она.
Голову ломит,
ломит от боли.
Почему так тихо?
Сговорились что ли?
От этого можно сойти с ума.
Воздух, словно вода, вязкий.
Дверь откройте!
Дышать мне нечем...
За дверью
Взволнованный замер вечер,
Будто ребенок,
Слушающий сказку.

Вторая запись

Я помогал ей стирать белье,
А на это
За стенкою, скрытый плохо,
Раздавался по-скотски здоровый хохот:
— Ну и девка,
Заставила, чтоб ее!..

Кто смеется там?
Этот пьяница?
Пусть смеется..
А может быть,

Жизнь
Нам рада,
Как тетка племяннице,
Что приехала угол просить?..

Третья запись

Милая девушка,
Сядь поближе.
Сядь,
И выпьем вместе вина.
Ты колеблешься?
Что я вижу?
Ревновать не станет она.
И она тоже...
Бежим из буден.
Порыв этот старый,
Как будни, прост.
Кто придумает лучший тост,
Того мы пить
заставлять не будем.
.....
Раннее утро.
Вставать пора.
Мысли шевелятся еле-еле.
Неужели в то,
Что было вчера,
Мы просто спрятаться хотели.
Пухом тополя сад заснежило,
И, чтобы нас высмеять,
Раннее утро сонно нежилось,
В мягком шелесте листьев.

Четвертая запись

Она была странной такой:
То смеется,
Довольна этим и тем,
То затихнет,
Словно больной
Умирает в соседней комнате...

Пятая запись

Может, вспомнишь ты,
Что позабыто,
Затерялось в нашествии дней.
Новый друг ли с усмешкой сердитой,
Упрекнет тебя тенью моей...
Помнишь, дворник со шлангом,
Важный,
Он хотел засветить поскорей
Перед домом многоэтажным
Отражение фонарей.
Нас с тобой,
Как обычную шалость,
Разглядел у стены в полутьме он.
Только мне
Ты Джульеттой казалась,
Для одной тебя был я Ромео.
Что мы знали?
И что умели?
А земля,
Отлюбив весну,
Глушит первую нежную зелень,
В буйстве жесткой травы потонув...

Шестая запись

Сегодня,
Как всякий день,
С грохотом ходят трамваи.
На бульваре, кого ни задень,
и сегодня тебя облает.
Буркнет себе под нос
Резкость
Без всякой злобы.
Так,
По привычке, должно быть,
Как лошадь жует овес.
Новое — падает снег.
Остальное — одно и то же.
Реклама «Курите «Казбек»
И та
Измениться не может.
А когда
Случится беда
Или пьяный дурачится,
Встав на колени,
Благодарная улица
Бросится туда
Набираться впечатлений...

Будто жалуясь на немоту,
Сам себя посылая к черту,
В пальто нараспашку,
С окурком во рту,
Шатаясь,
Ушел пятьдесят четвертый.

Седьмая запись

Боль моя,
Ты рядом,
Я все знаю.
Не сердись,
Привыкнуть не могу.
Будто бы кора берестяная
Гнется на пылающем мозгу...

МЕДВЕДЬ

Медведь,
Приученный к неволе,
Мохнатый, мешковатый зверь.
Он, глупый, любит в клетке дверь:
Обед несут —
медведь доволен.

В избытке радости ревнув,
Он за конфетку
Не устанет
Ходить с развалкой по бревну
И танцевать дурацкий танец.

Не заревет,
Пугая слух,
И клетку не порвет, как невод.
Забыл он про медовый луг,
Про кедры,
что проткнули небо...

Привык.
Ему порыв неведом
Быть неприрученным медведем.

1957

* * *

Первый вариант «Колодцев»,
неопубликованный:

Меня в который раз спросили:
«Вам двадцать восемь-
тридцать два,
но что вы принесли России,
какие вы зажгли слова?
В ваш срок
Израненная дума
Ложилась в пушкинский мотив
И Лермонтов упал под дулом,
Машук руками обхватив,
И Маяковский над толпою
Полотнищем поднял перо.
Стучалась в пролетарский поезд
Печаль есенинских берез...»

...В военных горестях
так часто,
стирая слезы с детских щек,
ласкал нас вздох:
войне кончаться,
а вам
счастливым быть еще.
И с этим радужным наследством,
Дарованным от щедроты
Нас уводила жизнь из детства
На зыбком поводке мечты.
Не знали мы, что станет с нами.
И из железа катят жечь.

Но нам внушали:
По призыванью
Вы маяки пришли зажечь.

Нелеп раздвоенностью клоун.
Еще мучительней тупик:
О красное споткнуться слово
В руках холодных и тупых.
Бесились мы тогда
И начисто
Карали все гримасой старости,
Бессильно тычет в небо мачтами
Корабль,
Оставленный без паруса.

Бывает, знаю,
Лестно женщине
Вздых,
Что поглубже,
Поглупее,
Считать везувьем извержением
Под распростертою Помпеей.
Долгопритворность душу сердит.
Пусть даже мы безпьянопьяные,
Зачем же мне ее обманывать,
Что будто к ней прирос я сердцем?
Зачем?
Отпело, так отпело,
Ушло,
И ничего не сделаешь.
Смеются руки гроздью белой
И губы ягодами спелыми.
Любуйся плавными плечами,
Цветеньем глаз,

А то опять
На дне непрошенной печали
Всплывет звезда
И станет звать.

Но больше,
Чтоб не вспыхнуть зря,
Мы прятали от праздных споров
Своих сомнений беспризорность
И верность песням Октября.
Встречались:
«Как ты там?
А ты как?
По-прежнему,
Ни так, ни сяк.
И поезд встряхивают стыки,
А все бежит он,
Груз неся.
Так я...»

* * *

Первый вариант, неопубликованный:

Тоска дорог не разбирает...
Я понимаю,
Что не легче,
Упав,
Не добредя до рая,
Знать,
Будто там
Все раны лечат.

Но незаслуженным укором
Нас в будущем не опорочат,
Что щупали ногами почву
И вновь теряли мы опору.

Врезались мысли,
Как ножи,
Толкая нас искать,
Метаться.
Замок острожный обнажив,
Трещала ложность имитаций.

Еще не снятый с пьедестала,
С преступной тайной на уме
Зерном белесого металла
Смотрел усатый монумент.

И мы
перед раскрытой дверью
искали вход,
устав искать...

...А на стене смеялся плакат
о жизни радостной и счастливой...

1955

* * *

Не балуй пса
И не давай из рук
Куска ему.
И так он не отстанет.
Мы для собаки —
Танец на экране,
Когда внезапно исчезает звук.

Пусть смотрит удивленное зверье.
Жизнь любопытство нам дала задатком.
Когда-то спросит...
Выпьем за нее
И за ее невольные загадки

Она, как сфинкс,
Что все их задает,
И всякий раз нельзя ей не ответить.
Что было,
Есть,
Что станет наперед
И, как дитя,
Еще про все на свете.

Я это помню,
Думая, спеша,
Работая и дурака валяя...
Смотри на пса —
Есть у него душа.
Он разобрался и хвостом виляет.

* * *

Мир хождением моим уменьшен.
Путь оставшийся, отпусти!
Возвратиться б к такой из женщин,
Что еще не встречал в пути.

Набрести бы на место такое
И внезапно его узнать.
Как кусты отведя рукою,
Все сомнения разогнать.

И до крайности удивиться,
И бывшего не жаль труда...
Только б вскинулось сердце птицей:
Неужели я шел сюда!

От себя и к себе идущий,
Ни для радости,
Ни во зло...
То ли будет еще в грядущем,
То ли в прошлом давно прошло?..

1978

* * *

Молчанье сверстников моих,
Исхоженное до чего ж ты...

Великих предков не тревожьте,
Мы не уроним чести их.

МОНОЛОГ

Вы шутите.
Ах, вы не шутите.
Вы сердце предлагаете всерьез
Взять у меня в починку.
Жгутики
Наложите?
А будет ли наркоз?
И вы умеете это делать?
Надеетесь, что умеете...

Я вам верю.
Вы вправду добрая.
Только ввиду имейте:
Оно у меня по частям разобрано
И роздано.
Жду, когда вернут.
Рассекут грудную клетку
И положат обратно внутрь,
Шрама оставив метку...

Теперь вы скажете, что я шучу.
Я не шучу,
Но вы близки к истине.
Я почти того же хочу,
Что и вы,
И хочу искренне.
Может быть, подступившая тьма
На меня
Одинокого
Двинется танком
Беги или просто сходи с ума...
Мне не взорвать этот танк.

Я не Данко.
Я навстречу ему побежать не смогу,
Сердце сжимая в руке гранатой.
Таких сердец,
Как цветов на снегу,
Нет в арсеналах,
Самых богатых...

Вы знаете,
Если я вырву сердце
и подниму,
грустно посмотрят на него многие.
А многие со смехом побегут к нему.
Так что еле унесу от них ноги я.
И, конечно, грустно.
И, конечно, смешно.
Я, наверное, тоже бы рассмеялся.
Уж очень беспомощное оно.
Но я на другое бы
Не сменялся.
Я по крохам в него соберу все то,
Простое по сути,
Как корм подножный,
Чем переболели ладов на сто,
но пока еще рассказать не можем.

Тогда и вырву,
Вы мне поверьте.
Пусть даже в ранах —
отдам непочиненным.
Скажите,
Зачем мне тогда сердце
И все боли
С их следствиями и причинами...

Ох уж эти внутренние монологи.
В них все просто и удивительно.
Мы берем их с себя,
Как берут налоги
За уход
От сложности действительности.
И грубо потом растолкав себя
(так на асфальте будят пьяных),
еще сонно края миража тербя,
возвращаемся в боль
настоящей раны.

МОРЕ

Все катится
и катится на берег
и все никак не выйдет из него.
Срывать с гребней узоры белых перьев
Не может ветер.
Ветер изнемог.

Голубизной пропитанный простор.
На глубине
Чернеет море синью.
Нахмутив угловатые морщины,
Стоят над ним немые камни гор.

На нас вода
И камни смотрят слепо.
Скупое время вечность в них хранит.
Им старая разрушенная крепость
И та чуть-чуть лишь кажется сродни.

И бейся даже буря в дно морское,
Послушай их —
Они полны покоя.

МОЯ СУДЬБА

Вновь невесело...
Что ж тут страшного.
Вспомнишь притчу о двух небитых.
Слишком часто судьбу я спрашивал:
— Ты опять на меня сердита?

А она мне:
— У настоящих
и у бывших
печаль одна.
Но судьба —
Не волшебный ящик,
Чтобы жребий достать со дна.
Счастья полную чашу нужно вам,
А прибавишь в нее невзгод:
Пронести —
Не хватает мужества,
Бросить —
жажда вам не дает...

Я судьбе благодарен.
Как-то,
Засидевшись со мной допоздна,
Научила считаться с фактом,
Не выдумывать жизнь,
А знать.
Я б пожал ей за это руку,
Но порой не хватает сил.
Видно, я за ее науку
Слишком дорого заплатил.

* * *

Мы в путину ушли от причала.
И винюсь —
Тут обычай таков:
Для начала меня укачало
хлебосолье морских рыбаков.

Капитан был особенной стати,
Он у всяких чертей побывал, —
А на это и Каспия хватит —
Мне беспечно доверил штурвал.

— На штурвал и валяй в моряки.
Я уставы не слишком нарушу.
В море тишь,
И везде маяки —
На обветренных мачтах реюшек.

Шли бы в Астрахань — я бы не дал.
Или ветер бы вел себя худо...
Балуй, брат.
Покажи, в чем удал.
Поворочай-ка эту посуду...

Как волнует, весельем пьяня,
Эта власть ощутимой свободы.
Встречный ветер голубит меня,
И надежны под палубой воды.

И себя я на мысли ловлю:
Вот бы жизнь моя стала б сподручней,
Как корабль мой послушен рулю.
Пусть бы даже прижала покруче.

Что смеешься, мой друг капитан?
Жизнь моя — не флотилия «Слава».
Все бы, вроде, стоит по местам,
Ясно все,
Но попробуй поплавай.

Ты не смейся, моряк, не резон.
Вот плывешь тут:
И люди, и сроки —
Все сместилось.
И, как горизонт,
Берег мой все такой же далекий.

...Ах, зачем столько лет в самом деле
ходит память за мной по пятам?
Где-то плавает рыбница «Гелий»,
Где-то водит ее капитан.

* * *

Неопубликованный вариант, из ранних

Мы растерялись —
Разная судьба
Кого куда с годами раскидала.
И ни одна сигнальная труба
Товарищей моих не собирала.
Но непрерывно чувствовался бой,
И на глазах ряды друзей редели,
Когда одни,
Не совладав с собой,
Сходили с круга,
не увидев цели.
Вздымая фразы,
Как бокал вина,
Другие шли на простенькую ловкость:
Вздохали — Революция больна,
И пьяную испытывали легкость.

Я не виню —
Простителен азарт.
Труднее затаиться
И до срока
Не бросить ни угрозы, ни упрека.
Как вдаль из-под руки
Смотреть назад.
Так чувствуют бунтующую боль,
Но не дают ей вырваться наружу
Под взглядами,
Как под рядами ружей,
Внимательно следящих за тобой.
Все думаешь,

А боль куда бы деть.
Потом решишь веригами повесить,
Переговоры с ней ведешь лет десять,
Чтоб не мешала время разглядеть...

Но прогремел почти животный крик,
Десятилетье выношенный в муках.
Порвал с наукой тихий ученик —
Разбитым его бросила наука.
Крик отлетал,
И в тишине укор
Преследовал меня подобьем мести:
Пока я мир разглядывал в упор,
Мир изменялся —
Не стоял на месте.
Пока себя не зная деть куда,
Я от стены вышагивал к дивану,
За стенкой зрела новая беда,
Готовясь стать
Еще одною раной.
С местечек, где с двором граничит двор,
Сметливых
И не любящих огласки,
Россия
на прадедовской закваске
повылезла из всех крестьянских пор.
И самому-то
Оправдаться где ж мне.
Невзгоды все подряд перебери —
Устали больше не от блесков внешних,
А от глухих в душе периферий.

Что говорить,
Мол, виноватый кто-то,
Искать вокруг обидчиков иных...
И выступает капельками пота
холодный протокол моей вины.

* * *

Мы распаляли разговор початый
В большой костер,
Чтоб дольше не погас.
И, задержавшись, посмотрел на нас,
В беседу не вступая, Наровчатов.
Стоит войны минувшей капитан —
И воздух опален иными днями,
И память,
что ступает по пятам,
крыло незримо вознесла над нами.
Ей крылья тяжело и легко нести.
И вспомнилось:
когда бы не победа,
то в нынешний бы вечер не вести
нам эту нашу пылкую беседу.
Далекая и близкая гроза
Все длится за завесой дымовою...
И видел я —
Распахнуты глаза,
Как среди туч — колодцы с синевою.
Мальчишески подтянут,
Двадцать лет...
Я помню это фронтовое фото.
Опять смотрю,
А капитана нет.
Где он стоял,
Другой проходит кто-то.

1977

ИМЕНИНЫ

И стартовали именины...
Виновнику добро сулят.
Торжественен посередине
Стола
Нетронутый салат.
В усердии потны
Бутылки,
Как караул, стоят вокруг.
В слезе
поблескивает пылко
селедка сквозь пахучий лук.
Хозяин в суете рабочей.
Он взглядом обегает стол
И нервничает —
Озабочен,
Чтоб с блеском день его прошел.

Но все —
Теперь он поостынет,
От рюмки захмелев слегка,
Застигнутый на середине
Меж тридцатью и сорока.
И на какую-то минуту
Все оказались на виду:
Тот, кажется, с собой в ладу,
Тот постоянно носит смуту,
Тот и поплакаться не прочь,
На том преуспеванья глянец...
Но древняя, как прежде, ночь
В окно и мельком не заглянет.

Ах, ночь!
Ты пригуби стакан,
И побеседуем о деле,
Покуда я еще не пьян,
И гости хором не запели.
Ты всем, что видела, мудра,
А перевидела немало,
И видя,
не предпочитала
ни зла,
ни самого добра.
И гений, и злодей валялся,
Средь тьмы,
Оставленный в крови.
И бесконечно повторялся
Неповторимый час любви.
Ты, чем темнее,
Тем короче,
И в самый твой короткий срок
Откроешь ли мне смысл пророчеств,
Чтоб я судьбу постигнуть мог?..

Молчишь.
Я не в обиде.
Что ты?
Темнишь?
Не явишь дня пока?
...Есть у меня свои заботы
меж тридцатью и сорока.

До завтра брошены дела.
Разгорячился стол веселый,
И демократией стола
Хозяин низведен с престола.
В разгаре праздник.
Все равны,
Все равно:
Мы, эпохи, страны.
И кто-то,
Верно, самый пьяный,
Гитару тянет со стены.

1968

ИСТОРИЯ

Взволнованная исповедь истории,
Остывшая на книжности страниц,
Отжившие события,
Которые
Бесстрастно нам поведали они.

Вот молния на стыке двух эпох.
А там вон жизнь стекала в лету тихо.
Там, путаясь,
Она копила вздох,
На дне его вымучивая выход.

Но и тогда
Порой лишались сна
И уставали от сомнений,
И надрывалось сердце...
Мне его
Глухую боль
Еще придется знать.

...И нашим дням ложится в письма
простое для потомков объяснение.

* * *

Как все условно и непрочное.
И я постигнуть не могу:
Не замкнуты в кругу порочном...
В каком же вертимся кругу?

1973

* * *

А время все куда-то мчится
До полных горечи минут,
Где полустершиеся лица
Вдруг вспомнятся и оживут.

КУРА

Ты дикая,
Обузданная птица,
С камней моста раскинув два крыла,
Все силишься к седым вершинам взвиться,
В туман,
Откуда воды принесла.

Но полосы огней,
Как палец перстни,
Тебя стянули.
В темноте с горы
Пять тысяч окон смотрят,
Словно персы
Зажгли в ночи военные костры.

Широкие,
Разгулистые реки
Мне выпало любить в моем краю.
Бурливые негромки там
и редки.
Так почему я
над тобой стою?

Стою,
Взволнован встречею,
Любуюсь.
Знакома мне рассерженная буйность...

* * *

Кричали, зубоскалили.
Что толку...
Нигде не наступает новый год
Лишь оттого,
Что водишь хоровод
Вокруг тобою выдуманной елки.
И правит вновь действительность тобой.
Ты ссоришься с ней мелочно и нудно.
По-прежнему невероятно трудно
Остаться рядом с ней самим собой.
Бесплодный и беспомощный удел,
Где служит утешением единым
То, что доступна область малых дел —
Вот в ней и оставайся гражданином.

У КОСТРА

Ни детское бегство в природу,
Ни просто такая игра:
час жизни особого рода —
в лесу посидеть у костра.

Горит он,
Как нечто живое,
Как будто со мной говорит:
«Откроемся —
нас только двое.
Я мало живу лишь на вид.

Представь время пращуров дальних,
Где одушевляли меня
И где смысл вещей изначальных
Был ближе к природе огня.

И речь не к тому я веду,
Что были —
А это не малость—
Вокруг меня все на виду,
И личность в толпе не терялась»...

И вправду, —
Дурацкая спесь
За веком гоняться век целый,
Как будто повсюду успеть —
И есть настоящее дело.

Все, что ни найдешь — подбери,
И жизнь мелочами распята,
Опутали,
Бес их дери,
Мыслищи, мыслишки, мыслята...

Я в думах о прожитом дне
За это себя не ругаю,
Но пляшет костер мой,
Сжигая,
Весь сор,
что собрался во мне.

А где-то,
Не в гнездах из веток,
В машины запряженный конь,
Ревет
В топках нашего века
Все тот же
Бессмертный огонь.

9 июня 1973

* * *

Как трудно сознавать, что жизнь грустна,
И знать —
Она могла бы быть прекрасной.
Попробуй это воспринять бесстрастно?..
Творящий благо
Или сатана,
Нас не спросив, посеял в душах смуту.
Отыщется ли в жизни хоть минута,
чтоб так она была полна собой,
что виделась бы маленькой судьбой,
как будто в пояснение кому-то
его предназначенья...
Почему
Никто на помощь не придет ему,
Когда он будет на колени брошен,
Сам по себе,
 один,
 никем не прошен,
Чтоб вновь извечный свой вопрос задать:
Какою станет жизнь
 и сколько ждать?
Открытый,
 напряженный до предела...
Все ждут, что скажет.
Если же молчит,
Толпа приемлет будни,
 словно щит.
Глядишь —
И постепенно поредела.

И вновь обдаст горячая волна.
Жизнь —
Ведь могла б прекрасной быть она.
Прекрасною...
И жребий ли не скуп мой
Благодарить за то,
Что лишь доступна
Мне эта мысль?..

Тот, в наши времена
Глядящий,
Был ничем меня не хуже
И не грешней,
И мысль сквозь жизнь нес ту же
Среди телег, колясок и карет.
Гляжу вперед —
Повылезли на свет,
в клубки свернувшись,
синхрофазотроны.
Конечно, от прогресса нет урона.
И счастья нет...
Но может быть оно!
Ах, версия,
Рожденная давно,
В глухую, незапамятную эру.
Что смертному внушает эту веру?
И все равно
Она всего сильнее.
И зрима,
Рукотворна благодать:
Хоть для себя
И ничего не ждать,

Но —
Потому лишь прожил не напрасно,
Что эта жизнь
Могла бы быть прекрасной.

1998

КИРПИЧНОМУ ДОМУ

Я по пути люблю тебя встречать,
Плечистый дом
с осанкою богатой,
творение эпохи кирпича,
не так давно клонившейся к закату.

И молод ты...
Лет тридцать?
Ну и что ж?
Твои собратья прожили столетья.
И ты свое, даст время, проживешь,
И будешь видеть,
Как начну стареть я.

Стоишь ты, словно крепость,
Мощь сама.
Ты речь мою прослушал, будто лепет...
Многоэтажнее тебя дома
Теперь, как шалаши, из блоков лепим.

Забавно — в предысторию возврат
На новый лад, на лад индустриальный.
Рай милым в шалаше, как говорят.
Теперь тебе я как бы предок дальний.

И предок тех, кто по следам моим,
Но только красивее и прочнее
Дом возведет,
Любовь
И все, что с нею
Придет к нему...
И мы на том стоим.

А так...
Двадцатый век к невзгодам глух.
Раз ты в пути,
То значит — быт шалаший.
Раз в шалаше,
Тогда походный дух —
Среди житейских вихрей крепость наша.

Но подмывает вспомнить о душе.
Пусть спящая красавица проснется.
Пусть мир пребудет в этом шалаше,
И рай грядущий пусть его коснется.

1972

* * *

Когда в разлуке только —
Бог бы с ним.
Звезда моя,
С тобою я в разладе.

Скажи, в каком нелепом звездопаде
Нам перестал быть так необходим
Наш долгий путь?

Я помню, как всегда спешил домой,
Ее лучами добрыми ведомый.
Она светила по дороге к дому,
Над горизонтом став передо мной.

Так что же вышло?
Как же мне понять?
Откуда неуверенность и холод?
Звезда любви, что сделал я плохого?
И холодно —
И некому пенять.
Быть может, для тебя мир не един?
Любить и быть собою не по силе?
Есть люди, для которых или— или...
И выбрав, доживают до седин.
И каждому дарован свой успех,
И в жизни право выбора свободно,
И однозначно принимают грех,
Не понимая сути первородной.

Нет,
я не признаю такой земли,
где каждый лишь за малое в ответе.
Земля одна.
Всем людям звезды светят.
Для мира и мою звезду зажгли.

Когда б в разлуке только —
Бог бы с ним.
Звезда моя,
С тобою я в разладе.

САЖЕНЦЫ

Ветер в кружево облако вяжет
По звенящей голубизне,
Да шумит в распущенных саженцах
О весне.

И родившись в зеленой пене,
Синеву детских глаз распахнув.
Первородное изумление
Не намотрится на весну.

Переменчив порыв ребячий.
Сосчитать не успеешь до трех,
На картонном коне он ускачет,
Что там саженцев радостный вздох.

Он его лишь почувствовал смутно
Непосредственностью живой.
Но счастливую эту минуту
Я хочу сохранить для него.

Стой, малыш.
Наиграться успеешь.
У меня к тебе несколько слов.
Видишь, выстроилась аллея,
Опираясь на ножки стволов.

* * *

С годами часто говорят:
Мне чужд воспоминаний голод,
Я, как тогда, душою молод
И с молодостью
Встал бы в ряд.

Страда моя,
Пусть канешь в лету —
Вослед не протрублю отбой.
Печально твоему поэту
Расстаться навсегда с тобой.

Хоть злился я в твоих тисках,
Твоей пресыщен горькой солью.
Другая молодость пускай
Твоею просветится болью.

Грядущий мир,
Как ни огромный,
Мне не покажется чужим.
Но непосредственно,
Но кровно
Своим лишь дням принадлежим.

IX
ИЗ ПАПКИ «СТИХИ. С – Я»,
НЕОПУБЛИКОВАННОЕ

* * *

Чем беспокойней,
тем родней...
И среди сумбурных
Непогодных,
как безотчетная погоня,
и в меру ординарных дней,
вдруг солнечный.
Его ты видишь,
из памяти уж не стереть.
Ты просто так
возьмешь и выйдешь
на ясность мира посмотреть.

1959

* * *

Черствеют чувства, и, глядишь, приелись.
Томимся, по привычке лишь грустя.
Теряет обаянье жизнь, как прелесть
утрачивает, повзрослев, дитя.
И даже память — словно первый встречный.
И кто постановил — всему свой срок...
Как жизнь кратка, так детство бесконечно,
но необъятный мир его далек.

1960

* * *

У сердца —
больная речь:
по грамму не сложишь зари.
Можно тысячи солнц зажечь,
если солнце в груди горит.

Тишь закута —
песни враг.
Дверь замкнута —
голос глуше.
Все черное месит мрак
на скупости равнодушных.

1956

* * *

Увлечшись, ты не бросилась в поток,
куда порой и нехотя ступала.
Как мусульманка прячется в платок,
ты робость превратила в покрывало.

Мгновенной страсти отвергая власть,
вспорхнула ты испуганною птицей.
Неужто, правда, надо было пасть,
чтоб чувства охватившего стыдиться.

Ах эта тайна — женская душа,
где зверь лелеет некие устои,
которая не стоит ни гроша,
но и всего на этом свете стоит.

1978

* * *

Памяти Николая Рубцова

Ты жил свободно, не неволя
ни чувств, ни мыслей,
ни друзей.
Свою приняв однажды долю,
ты оставался верен ей.

Себя услышавший
не ропщет,
идет, раз обозначен путь,
где в лоне заблуждений общих
и часа не передохнуть.

Все — самому,
и все — сначала,
и каждый шаг необратим.
На все лады молва играла,
как кошка,
именем твоим.

Мол, метил бог,
да нрав тяжелый,
и, что бормочет, не понять,
за своего и за чужого
всегда готовая принять.

Ведь это подвиг:
жить, как хочешь,
когда дела с душой в ладу.
Длинней путь выберешь,
короче —
он твой,
и мир весь на виду.

Не жаться в поисках ответа,
людей никчемных не терпеть.
Шагнув, идти себе по свету
и искренние песни петь.

А как прожить —
печаль вторая.
Существенней, что жизнь была.
И песне, даже расставаясь,
не сможешь подыскать угла.

Бывал счастлив...
Ах, был иль не был:
вся жизнь до капельки твоя.
Ты знал: твой дом —
земля и небо,
и вечно будет он стоять.

1 июня 1971

* * *

Триста метров до площадки отдыха.
Тройка и мелькнувшие нули.
Ничего не надо, кроме воздуха.
К отдыху, водитель, подрули.
Это место кем-то ведь отмеряно.
Кто бы ни подъехал — все свои.
Пусть поют над нами неуверенно
В стриженных деревьях соловьи.
Подъезжай туда —
Сочтемся бедами.
Посмеемся шутке заодно.
Есть твой срок,
А прочее заведомо
Назначеньем века решено.
Решено, расписано, означено.
Чем лишь я ему не угодил?
Я себя текущими задачами,
Как лесами дом, загородил.
Рамками, привычками, помехами...
Надо бы подумать мне о том...
Эх, водитель?
Что же ты?
Приехали...
Ладно.
Это как-нибудь потом.

* * *

Тебя нет рядом.
Все курю,
Послушно ухожу в забавы,
Пью без охоты
И, вдобавок,
Об умном
Много говорю.

И все проходит стороной,
Теряясь в сигаретном дыме,
И происходит не со мной,
А лишь со всеми остальными.

Мне кажется порой,—
Они
Безумно одиноки тоже.

Тебя нет рядом.
Длятся дни,
И только что — на жизнь похожи.

1965

* * *

Так тихо,
Что по временам
Я говорить не в состоянии,
И долетают звуки к нам
Из самых дальних расстояний.

Привстань,
Потрогай тишину,
Но не нарушь единым словом,
Ее тебе я не верну —
Все в мире к нам приходит новым.

И снова не вернется,
Нет.
Все лично и неповторимо:
И то, как смотришь ты в ответ,
И как ты говоришь «Любимый»,

И то, что чувствуем,
И то,
Что думаем и понимаем,
Минуте подводя итог,
И в целом времени внимая.

22 января 1967

СЛУЧАЙНЫЕ СТИХИ

Жизнь прочна, как любовь.
Нет, прочнее...
Я хотел с ней слюбиться, да — влип.
Я, наверно, измучился с нею
И стихи уронил, словно всхлип.

Мысль благая в истории правит.
Только (курица или яйцо)
Жизнь над ней поколдует и явит,
Как в окошке, чужое лицо.

Все похоже как будто,
Но где я?
Жизнь повсюду, не спорю, права.
Но какую муку из идеи
Намололи ее жернова.

Сам создатель на небе высоком,
Ревизуя затею свою,
На дитя это глянул бы оком —
Ведь расплачется:
Не узнаю.
Ну, да что о великом —
О малом
Расскажу.
Все на том и стоим:
Сколько помню, моим идеалом
Был ведом по распутьям моим.

В холод холодно,
Жарко так жарко,
И себя я не раз превозмог,
И в объятья входил, как под арку,
И скулил, как ничейный щенок.

Все — на уровне сносного быта...
Чья же только, с чьей легкой руки,
Если чаша любви не разбита,
Под ногами хрустят черепки?

И выходит — обычная штука...
Пожиратель и лет, и труда,
Ах ты, жизнь,
Ах ты, старая сука,
Отчего ты всегда молода!

1973

СЫН ЗЕМЛИ

Один
Или два раза в век
Из пены людского гнева
Рождается человек
С непетым еще напевом.

В напеве узнав врага,
Щетинится мир убогих:
— Держите!
Он хулиган,
Укравший огонь у бога!

Но вторит набатный звон
Бунтарским его напевам.
Недаром родился он
Из пены людского гнева.

1954

* * *

Стихи мои,
Стихи – поводыри
по улицам и переулкам
нам данной жизни.
Что ни говори —
довольно непонятная прогулка.
Кого-то хоть доверить вам могу,
чтоб он пустился странствовать по свету?
Эх, потолковей надо бы слугу...
Других, надежней,
к сожаленью, нету.
Заблудитесь вы честно,
не со зла,
признаетесь, мол, сбились...
Но что толку?
Вот муза бы смазливою была —
не страшно,
коль болтала б без умолку.
Порою я и друга не пойму,
который вам так искренне дивится.
Наверно, надо, как и мне, ему
Со мною чем-то важным поделиться.
Без важного не можем...
не дано.
Как шатко недосказанность повисла.
Жизнь движется,
и мы с ним заодно:
пускай напрасно —
только б не без смысла.
Неважно даже, что нас завтра ждет,
но непременно доходить до сути.
Пусть целый год поместится в минуте —

и я не лгу:
не жаль мне этот год.
Бессмертен камень,
смертно долото,
и мал обзор у замкнутого круга,
но — чтоб любить,
не только знать друг друга.
И пусть есть в этом грех, —
Понять, за что.
Поводыри...
Эх, черт меня дери!
Последний шанс —
то, что себе я верю.
Быть может, я торчу, как ключ в двери.
Согласен,
пусть другой откроет двери.

1965

* * *

Ребята, отзовитесь!
Где же вы?
Заброшенные в сердце ходят двери.
Какой по жизни закрутил вас вихрь,
И на какой вас выбросило берег?

Как помирились с простотою быта?
Иль может быть, уж кто-нибудь открыл
По случаю,
А не по алфавиту,
Наш список преждевременных могил?

* * *

Судьба такая.
Ищем столько лет
Со временем активного согласия.
И стала цель какой-то высшей властью,
И, кажется, и дел других-то нет.

Вот так и ищем,
Всяк на разный лад,
В свою,
Ему отведенную, меру.
И что мне в добрый час ни посулят,
Как ни хочу,
Но не приму на веру.

А потому— с собою не в ладу.
А потому — и противоречивы.
Что следствие?
Еще б— первопричину,
Наглядную,
Как яблоко в саду.

Бросает мир чудовищную тень,
И копится великая истома:
Все , что тебе прибавит всякий день,
И шаг,
И жизнь,
И век,
Свести к простому.

Чтоб все, что открывается вдали,
И все, что зримо движет настоящим,
Увидеть так,
Как пред лицом земли
Одушевлял природу древний пращур.

Чтоб суть вещей всегда была нова,
Чтоб вещей свет открыть в изломах быта,
Как образ,
За которым много скрыто,
А он нам явлен в нескольких словах.

Чтоб путь земли пройти в своей судьбе,
А не принять, как правила устава.
Все сущее проверить на себе,
Чтоб жизнь твоя
Совсем твоею стала.

1972

* * *

Странно...
Песню в окне слышите?
Чья душа в ней проснулась?
Чья?
В нашем доме,
Под нашей крышей-то
Что ни комната—
Ячея.
В дом, как ящики, комнаты вдвинуты.
В них сидим
Поэтажно
В ряд.
Поглядите,
Дома машинами
Вычислительными стоят.
Город крыш натянул беретика.
Стекла окон — очки его.
Нет, не город,
А кибернетика,
Многослойное существо.
Мы внутри.
Мы — узлы и лампы.
Нас энергией бы связать.
Посложнее задачу нам бы.
Заискрили б...
Да где их взять?
Чудо техники —
Нет лишь тока.
Бесполезны дверям ключи.
Не мерцают экраны окон.
Дом,
Как каменный дом,

Молчит.
В страхе думаешь:
Кто я ?
Где я?
Что я делал?
Что делать мог?
И какая нужна идея,
Чтоб его засветился мозг?

1958

* * *

Еще вчера
и против, и за нас
певцы в экстазе голоса срывали,
и разносил их гулкий резонанс
эстрадных раковин по городам и далям.
Подмостки жадно тискала толпа,
ораторствуя топотом и свистом.
Порыв ее, казалось, так неистов,
что прсто мысль
в сравненьи с ним слепа.
Но на эстрадах опустели доски,
и в остывавших чашах площадей
пузырились чуть слышно отголоски
недавно грохотавших здесь идей.
И как ни рассуждай,
итог печален,
И чем вчерашний вечер заключать?
Ведь оттого, наверное, кричали,
что больше не могли — не закричать.
А уши оттопыренных эстрад
прислушались —
а что же дальше скажем.
Молчание —
как будто шаг назад.
И бродит тишина осенним стражем.

1956 -57

СТАРЫЙ ЗАВОД

Округу старого завода,
живущего и в наши дни
под древней крышей небосвода,
пойди, попробуй, измени.

Ах, память,
все — твой произвол...
Я вспомнил заводской поселок,
где столько смолоду провел
годов и трудных и веселых.

Теперь, судьбой своей играя,
порой теряюсь в ерунде,
вдали от заводских окраин,
в сомненьях, спорах, черте где.

Где сложно все
и просто, вроде,
где в жизни на манер искусств,
условности войдя во вкус,
стремишься к девственной природе.

Где разум, чувства строй наруша,
то трезво ищет глубину,
то силится живую душу
ввести под кров свой, как жену.

Где каждый день, как пробный камень,
искру отбрасывает ввысь...
За окнами, как за очками,
поблескивает жестко мысль.

Что ж, это век такой ученый,
и ты волнуешься, кричишь,
и заблуждение от закона,
порой, не сразу отличишь...

И вот случится ли урывкой,
а, может, дело заведет,—
к тебе, как будто на побывку,
я, старый, прихожу, завод.

1957

СТАРЫЙ ДНЕВНИК

Боль моя,
ты рядом,
я все знаю.
Не сердись—
привыкнуть не могу.
Будто бы кора берестяная
гнется на пылающем мозгу.

В ящике, с годами пропыленном,
я нашел дневник,
разрыв старье,
в рубашонке мятого картона...
Что это?
Мое иль не мое?
Да, мое.
Мы с возрастом все реже
о себе,
как о другом, твердим:
пятое явление,
он и те же...
Я там был,
и не был я другим.
Только вот
и боль моя, и страхи
прошлые
до коликов смешны.
Я махнул рукой на эти «ахи».
Днем всегда осмеивают сны.
Так случилось, что расстались двое.

Причитал:
любовь прошла совсем,
и с размаха бился головою
о камня выдуманных стен...

Что же я?
Дневник мой стародавний,
ты прости,
что я срываюсь зло.
Жить привык,
в себя бросая камни.
Вот и по привычке занесло.
Лет за восемь
(исключенья редки,
эскулапы провели учет)
нет в нас ни единой прежней клетки,
и совсем другая кровь течет.
Но когда-то
тамошних нас,
первых,
жизнь звала:
в себе-то разберись...
И еще настроенные нервы
у нее под пальцами рвались.

1956

* * *

Ты говоришь мне:
разлюбила, —
спокойно, словно бьешь отбой.
И добавляешь:
— Разве было
мне очень хорошо с тобой?
Ты, как осенняя погода:
день— ясно, и на месяц дождь.
А месяц длится, как полгода,
пока ты, наконец, придешь.
Все жду,
отрывочные вести,
волнуюсь, о тебе ловлю,
врозь — вечность, ненадолго — вместе...
Теперь другого я люблю.

Что ж, быть по-твоему,
не спорю.
Все мне поведала, до тла.
И разлюбила ты нескоро,
и, отлюбив, не солгала.
Но только нынче не смотри ты
на все, что было, свысока...
Ты удивляешься сердито
и пальчик держишь у виска.
Есть объяснение простое,
и это стоит слов любых:
любовь бывает на постое
у жадной склонности— любить.
Ты говоришь о страсти новой,
как о находке дорогой.
Повторится все слово в слово,

как стоит жизнь одна другой.
Быть может, жизнь моя нелепа,
но я всего хочу сполна
и не могу поверить слепо,
что это вот и есть она.
Реальная, как детям — сказка,
вместилище моей души.
А в искреннем порыве ласки
попробуй голод заглуши.
Те ласки в новых ласках смоешь,
и помнить их не обещаю.
Прощай, будь счастлива, как сможешь.
Всего хорошего,
прощай.

1956

* * *

Лишь прикажи,
и внемя знаку,
я красочно
на поводу
луну послушную собакой
по темным крышам приведу.
Произведу с доставкой на дом
и заключенные в пакет
взволнованные серенады,
сто страстных «да»,
сто твердых «нет».

Все, в сущности, наоборот,
и сердце беззащитно стынет,
и женщина меня не ждет
в обставленной жильем пустыне...

Ты скажешь, я сужу сурово.
Да, в нас так часто говорят
и горький опыт прожитого,
и новых наблюдений яд.
Бог с ним.
Все это не при чем,
когда страстей встревожен улей.
Асфальт под нами размягчен,
как будто бы хватил июля.

* * *

Что чувство — даже от предчувствия пьяны...
Признательность заготовляя впрок,
какие ты вынашиваешь планы!
И правильно — все сбудется в свой срок.

Судьба тебя, и вправду, разглядела.
И ты ее загадки разгадал.
Все сбудется — и женщина, и дело.
И все сбылось — но этого ли ждал?

В закон движенья благо вплетено.
И общество — как организм единый...
Взяв кисть, нарисовала мысль картину
грядущего.
Глядите — вот оно.

Рассудит время мастера, и — что же:
мир, как на той картине,
не иной.
Свершилось вот, и, вроде бы, похоже.
Но что свершилось? И какой ценой?

И все-таки, мечтатель иль зануда,
туда стремишься, где и не бывал,
скорбишь, но веришь в обиходность чуда
и в некий светоносный идеал.

* * *

Что значит современный?
На дворе
двадцатый век,
вторая половина.
Портфели-дипломаты при мужчинах,
как проба на столовом серебре.
Все боги,
будь он добрый или злой:
звони в Москву,
лети быстрее звука,
смотри кино,
катайся под землей,
и к смертному приближена наука,
и брюки для него с лавсаном шьет...
Естественно.
Земле который год?
Так как же на минувшие века
не посмотреть с улыбкой,
свысока.
Все принцы носят схожие штаны,
всем золушкам доступен выбор платий.
Век самой бытовой из демократий.
Никто не хуже, все уравнины.

Что значит современный?
Я стою
на перекрестке прошлого с грядущим,
где столько нас, бегущих и идущих,
и ищущих дневную цель свою,
похожую с лица и со спины.
И есть на перекрестке две стены.
Никто их не пройдет.

Никто — не выйдет.
И далеко не каждый стены видит,
и единицы нечто зрят сквозь них,
сокрытое от взоров остальных.

Что значит современный?
А Сократ
не современный или современный?
Наверно, современнее стократ
того, что ново боле или мене,
где жизнь подобна школьной перемене,
что длится от звонка и до звонка,
а с двух сторон — до вечностей века
во тьме,
или, скорей, в незрячем свете.
Кто современной?
Эти? Или эти?
Затеявшие некий род возни.
А разве меньше в эллинском поэте
и чувства, и ума, и новизны?

В двадцатый век распахнуто окно...
Насколько утро ночи современной?
Насколько в сутках больше смертных мнений?
Бессмертные подсчитаны давно...
И как мы их теперь ни объясним,
ведь только цену прибавляем им.

10 нояб. 1972

* * *

Чем старше я, тем легче плакать.
Мой плач как будто предрешен
и ждет условленного знака.
Знак подадут — прольется он.

Порой плохого кинофильма
достаточно для этих слез,
где вижу я в волненьи сильном
осуществленья чьих-то грез

и где пронзительная радость
взорвет ремесленный финал
(а я тот фильм раз десять кряду
недобрым словом поминал).

И как-то стыдно быть столь пылким,
и, в руки взяв себя, сижу,
и отзовется боль в затылке,
когда я слезы удержу.

Что это — слабость или сила?
Как сладкую свободу слез
сквозь жизнь нетронутой пронес,
куда б меня ни заносило?

Над чем я плачу?
Над собой?
Над чем?
Несбывшемся? Ушедшим?
Над жаждой обновленья вечной?
Над чьей-то мне чужой судьбой?

Иль этот миг необходим?
Мы в жизни сдержаны, суровы
и, часто взвешивая слово,
всегда собой руководим.

А может быть, жива во мне
мечта наивная, мальчишья,
и наяву в момент затишья
она приходит, как во сне?

Чтоб все бы ощутить смогли:
по воле чьей-то доброй силы
дыхание перехватило
от сладких слез у всей земли.

* * *

Чем тише грех,
тем громче покаянье.
И я житейских слез не избежал,
чтоб душу отводить...
На расстояньи — невинней все,
и времени лишь жаль.

Прости меня,
грех малого добра.
Но убедисься рано или поздно:
что малый грех,
что сети малой пользы —
едино все,
все та же конура.

Смятение мое —
не в холод дрожь,
что не спросясь пришла,
да отпустила.
Присутствие внутри какой-то силы
иначе как душа не назовешь.

Согласие с собой — трудней всего.
Веди меня везде, моя причуда.
Я больше изменять тебе не буду.
Прими, земля, смутьяна твоего.

Прими
и для спасения души
на камень тяжких грешников впиши.

УТРО

Вновь утро.
В толчее машин
рывками движется троллейбус.
Проспал и думаешь:
скорей бы...
И проспешешь так до седин.
Все около тебя спешат.
Всех в меру отвлекает что-то.
И дети едут в детский сад —
серьезны, словно на работу.

Век,
мысленно остановись.
Смени рывки движеньем плавным.
Открой мне в детях смысл их главный,
им предназначенную высь.
Быть может, через много лет
в наследство,
не по доброй воле,
придется сыну доболеть
отцом оставленные боли?

Век, стой!
Прибавишь ход потом...
Рванул троллейбус,
как качели,
истошно тормоза запели
под крик:
— Ребенок за бортом.
Ребенка дверь оторвала
от матери,
закрывшись глухо.

Стеною женщины,
старуха
шофера дьяволом кляла.

Вдруг голосок над этим всем
взлетел,
в меня проникнув прямо:
— Не надо!
Успокойся, мама!
Не плачь!
Не больно мне совсем!

Опять переднее стекло
коснулось облака верхушкой.
Бормочет кто-то: “Повезло”.
Про бога вспомнила старушка...
Бежит троллейбусная тень,
за нами поспевая еле.
И утро бескорыстно стелет
передо мною новый день.

СОДЕРЖАНИЕ

I.....	2
«ИЗ ОСЕННЕЙ ТЕТРАДИ».....	2
ТРЕВОГА.....	3
Приходит ощущение пути,.....	5
ВЕЧЕР.....	7
ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ.....	8
НОЧНЫЕ ЗВУКИ.....	10
ЗАПОЗДАЛЬЙ АПРЕЛЬ.....	12
МИНУТА МОЛЧАНИЯ.....	14
6-е НОЯБРЯ.....	16
Встречаю перемены осторожно.....	18
СИНИЙ ПЛАТОЧЕК.....	20
ЧАБАН.....	21
МАЛЕНЬКИЙ СКРИПАЧ.....	22
В растерянности чуть ли не языческой.....	23
ПЕРЕД РАССВЕТОМ.....	24
Осенние лучи пугливы,.....	25
День холоден с утра и ясен,.....	26
ОСЕНЬ В ГОРОДЕ.....	27
В. Кожинovu.....	29
КОСТЕР.....	30
Не спяну целоваться лезем... ..	33
Душа не знает, кто она.	35
Час поздний.	37
Фото сына — на столе.	37
Блестят очки автомашины.	39
ПЕРЕД ДОРОГОЙ.....	40
ВЕСНА НА БАЛКОНЕ.....	42
Осенних дней спокойное паренье.....	44
Ах, осень, нынче ты не удалась —	45
ПОДМОСКОВНЫЙ СОЛОВЕЙ.....	46
Как бы там ни свербилu в груди,	48
СЕРДЦЕ.....	49
В окне темнеет вечер ранний,	50
Ты опять опоздаешь.....	51
ВСТРЕЧА.....	52
Я все сомненья и печали	53
ПЕРЕКРЕСТКИ.....	54

ПО ДОРОГЕ НА ЮГ	55
Я вспомнил, сколько видел городов.	56
ПРОГУЛКА ПО АМИРДЖАНАМ	57
ПОТОК.....	59
СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ	60
НЕФЕРТИТИ.....	61
ЧАСЫ.....	64
НЕСЕРЬЕЗНЫЕ СТИХИ.....	66
Собаки ночью тоже видят сны.	67
НЕПОГОДА В МАЕ	69
Семейные реликвии.....	70
Свершилось.....	73
Весна на середине дней	75
II.....	76
«КАК С ТЕНЬЮ СОБСТВЕННОЙ БОРЮСЬ.....	76
ВНУКИ ОКТЯБРЯ.....	77
Мечты.....	79
Как отмахнуться ни стремись,	81
В борьбе	82
Нет, на клочки себя не рвем,	83
Опять любви пришла пора.	84
В МАСТЕРСКОЙ СКУЛЬПТОРА	85
СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ	87
ОКТЯБРЬСКИЙ ЛЕД.....	88
«Нам трудней —	89
Вот и наши ряды поредели.	91
Не мчится время на часах разлуки.	93
БИРЮЛЕВО-ТОВАРНАЯ	95
Два цветка на озябнувшей вишне,	97
Девический облик луны,	100
К потерянному раю не стремись.....	101
III	102
«ЗАПОЗДАЛЬИЙ АПРЕЛЬ».....	102
Себя впервые много лет назад	103
НОЧНОЙ ГОСТЬ.....	105
ДОЛГИЙ ДЕНЬ.....	110
Обычна и проста судьба чудес.	111
ПЕРЕЛЕТ ВЛАДИВОСТОК — МОСКВА.....	112
НОЧЬ НА БУРОВОЙ	114
Меня ты любишь.	116
А здесь,	118
Как поздно ночь уходит на покой.	119

<i>И молодость по-своему права,</i>	121
<i>Старина под Псковом</i>	123
<i>Теперь прощай,</i>	124
<i>Что может быть мучительнее, хуже?</i>	125
УКАЗАТЕЛЬ НА РОСТОВ	126
<i>Когда закон застолья души</i>	128
<i>Ветер начал свой зимний напев</i>	130
<i>Ты не смотри с обидой томной,</i>	131
ВЕСНА В ЯНВАРЕ.....	132
КЛЕН.....	133
ВЕЧЕР У МОРЯ.....	134
<i>За рождение обычная плата —</i>	135
* * *	136
РАЗГОВОР С ГОСТИНИЧНОЙ КОМНАТОЙ	137
<i>И снова осень</i>	138
НОЧЬ В МАЛАХОВКЕ	140
<i>Я помню:</i>	141
<i>Безвременные</i>	142
<i>И странно мне,</i>	144
<i>Возникшее предчувствие весны,</i>	145
ГРОЗА	146
<i>Помню я, как в танцующей лодке</i>	147
<i>Кому какая выпадет погода</i>	149
ДРУЗЬЯМ-ПОЭТАМ.....	150
<i>Все, что со мной,</i>	151
<i>Не ошибись,</i>	152
IV.....	154
«ПИСЬМА С ДОРОГИ»	154
<i>Стремительно тепло вначале,</i>	155
<i>Служи отцу и дальше, верность сына</i>	156
<i>Как встарь,</i>	157
СЛАВЯНСКИЕ КЛЮЧИ.....	158
УТРО	160
<i>Пока на помощь не приходит страсть,</i>	161
ЗАРЯ В ШУВАЛЯНАХ	162
<i>Я вспоминаю:</i>	163
<i>странным был</i>	163
<i>Не колдуй,</i>	165
ВЕЧЕР У МОРЯ.....	166
<i>Из чаши города отпей</i>	167
МОСКОВСКАЯ НИМФА	168
БАНЯ В СОЛОТЧЕ.....	169

<i>СТАРАЯ ПЕСНЯ</i>	171
<i>Какая ночь к окошкам подошла,</i>	173
<i>Ты пела, и лились слова</i>	175
<i>ДЕВИЧЬЯ БАШНЯ</i>	176
<i>ЧАЙХАНА</i>	178
<i>Поезд мчится,</i>	179
<i>ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР</i>	180
<i>Сигарета сгорит —</i>	181
<i>По-осеннему пусто</i>	182
<i>Что этим паркам зелень наших сосен?</i>	183
<i>Брожу под древнюю стеной,</i>	184
<i>Обнявшись,</i>	186
<i>словно в танце Хоруми,</i>	186
<i>НОЧЬ В ЛЕНКОРАНИ</i>	187
<i>НАТАВАН</i>	188
<i>Исхожена</i>	190
<i>и все же не допета,</i>	190
<i>Жизнь моя не привыкла к подкраске.</i>	192
V.....	194
«ГОЛОСА ДОРОГ»	194
<i>Баку капризен.</i>	195
<i>НАД РЕКОЙ КУСАРЧАЙ</i>	196
<i>Мы в ночь выходим.</i>	197
<i>БАКИНСКАЯ СКАЗКА</i>	198
<i>ЗЕЛЕНый КАБИНЕТ</i>	200
<i>ВОСПОМИНАНИЕ О НЕФТЯНЫХ КАМНЯХ</i>	202
<i>САЗ</i>	206
<i>У эптиков все просто...</i>	209
<i>Опасная печаль — хочу домой.</i>	211
<i>Вдали огни</i>	213
<i>ВОЗВРАЩЕНИЕ</i>	214
<i>ЧЕЛОВЕК И ФЕЯ</i>	215
VI.....	217
ТАРУССКИЕ И МАНСУРОВСКИЕ СТРАНИЧКИ.....	217
<i>То ли спор, то ли близко к тому...</i>	218
<i>СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ</i>	219
<i>СОВРЕМЕННАЯ ЛЕГЕНДА</i>	223
<i>ВОЗНЕСЕНСКИЙ АВТОБУС</i>	225
<i>РУССКИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ</i>	227
<i>Как изнежена зелень густая.</i>	229
<i>Дни пасмурны были.</i>	230
<i>Я по движенью губ ловлю слова.</i>	231

КАЛЕНДАРЬ	232
ПОЭЗИЯ	233
МОРЕ НОЧЬЮ	235
VII	236
ИЗ ЗЕЛЕННОЙ, ИЗ «АБСТРАКТНОЙ», ИЗ ДЕРЕВЕНСКИХ ТЕТРАДЕЙ	236
ПЕРЕД СНЕГОМ	239
ЖИТЕЛЯМ ГОРОДКА ЭНСК	242
БАЛЛАДА О ПРОДАВЩИЦЕ КЕРОСИНА	245
Звезда моя,	248
...И НЕТ ПОСЛЕДНЕГО ПРИЧАЛА	250
Зимой приходит ночь скорее.	252
О время, не оставь в тени,	253
Порой мы дорогую цену платим	254
КОЛОДЦЫ	255
Был даже утомителен немного	257
ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ	259
МОРЕ НОЧЬЮ	263
Кольцо с прохладными лучами	265
Ночь все короче. Не привыкну к свету.	266
Есть ли вода в реке?	267
Мне так близка судьба твоя.	268
Если уж в землю лягут,	269
Как незаметно сходит снег с земли,	272
ПОЛЯРНЫЙ КРУГ	273
Прощай, прощай, меня принявший кров,	274
Возвышенное бытие примера	275
Кипарисы растут напоказ.	277
Как хочется песню	278
И вместе одиноки мы,	280
И станут заурядными слова,	281
ТРИПТИХ	282
ЗИМНИЕ МОТИВЫ	284
Если слышать доводится где-то:	285
Заговорила печь —	287
Живой поэт	290
VIII	293
ИЗ РАННИХ И РАЗНЫХ ТЕТРАДЕЙ	293
ЗАБЫТЫЕ ЗВУКИ	294
ЗВОННИЦЫ	296
Знать бы, что ждет	297
ЗАТМЕНИЕ ЛУНЫ	298

<i>Давно беды я не припоминал</i>	300
<i>Лед тронулся</i>	301
<i>ЛИСТКИ ПЕРВОЙ ОСЕНИ</i>	303
<i>МЕДВЕДЬ</i>	308
<i>Меня в который раз спросили:</i>	309
<i>Тоска дорог не разбирает</i>	312
<i>Не балуй пса</i>	314
<i>Мир хождением моим уменьшен</i>	315
<i>МОНОЛОГ</i>	317
<i>МОРЕ</i>	320
<i>МОЯ СУДЬБА</i>	321
<i>Мы в путину ушли от причала</i>	322
<i>Мы растерялись —</i>	324
<i>Мы распяляли разговор початый</i>	327
<i>ИМЕНИНЫ</i>	328
<i>ИСТОРИЯ</i>	331
<i>Как все условно и непрочно</i>	332
<i>А время все куда-то мчится</i>	333
<i>КУРА</i>	334
<i>Кричали, зубоскалили</i>	335
<i>У КОСТРА</i>	336
<i>Как трудно сознавать, что жизнь грустна,</i>	338
<i>КИРПИЧНОМУ ДОМУ</i>	341
<i>Когда в разлуке только —</i>	343
<i>САЖЕНЦЫ</i>	345
<i>С годами часто говорят:</i>	346
<i>IX</i>	347
<i>ИЗ ПАПКИ «СТИХИ. С – Я», НЕОПУБЛИКОВАННОЕ</i>	347
<i>Чем беспокойней,</i>	348
<i>Черствеют чувства, и, глядишь, приелась</i>	349
<i>У сердца —</i>	350
<i>Увлекись, ты не бросилась в поток,</i>	351
<i>Ты жил свободно, не неволя</i>	352
<i>Триста метров до площадки отдыха</i>	354
<i>Тебя нет рядом</i>	355
<i>Так тихо,</i>	356
<i>Что по временам</i>	356
<i>СЛУЧАЙНЫЕ СТИХИ</i>	357
<i>СЫН ЗЕМЛИ</i>	359
<i>Стихи мои,</i>	360
<i>Стихи – поводьри</i>	360

<i>Ребята, отзовитесь!</i>	362
<i>Судьба такая</i>	363
<i>Странно</i>	365
<i>Еще вчера</i>	367
<i>и против, и за нас</i>	367
<i>СТАРЫЙ ЗАВОД</i>	368
<i>СТАРЫЙ ДНЕВНИК</i>	370
<i>Ты говоришь мне:</i>	372
<i>разлюбила, —</i>	372
<i>Лишь прикажи,</i>	374
<i>Что чувство — даже от предчувствия пьяны</i>	375
<i>Что значит современный?</i>	376
<i>Чем старше я, тем легче плакать</i>	378
<i>Чем тише грех,</i>	380
<i>УТРО</i>	381